

литературный журнал
ЧЕШСКАЯ ЗВЕЗДА

XLVII/25.04.2017
Карловы Вары

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ

НАДЯ СЕРЕБРЯКОВА Капля времени 3
ОЛЬГА ФЕР Чем пахнет Таджикистан 4

ПАВЕЛ САВИЛОВ стихи 6

СКАЗКА НАШЕГО ВРЕМЕНИ 7

ЕВГЕНИЙ ХОХРИН Местами дождь... 8

БОРИС АЛЕКСЕЕВ Пуговица 9

ЕЛЕНА ФИЛИМОНОВА
Автомобильное путешествие 10

ОЛЬГА КАМАРГО Ловец жемчуга 12

ГАЛИНА ВОЛЬСКАЯ
Суббота, тринадцатое 13

ПЕТР ЦЫПЛАКОВ стихи 14

ПЕТР ЦЫПЛАКОВ
Жертвенность как основополагающий
принцип бытия 14

ЕЛЕНА ЛИСЕНКОВА стихи 15

АЛЕКСЕЙ ХАЗАНСКИЙ стихи 16

МИХАИЛ ЖИЛЯК Стена 17

МАРГАРИТА МОРОЗОВА
Дорожное - невозможное или
Как в меня стреляли 22

PETR NOVÁK Moje cesta 23

Елена Лисенкова

Лампа зелёная под потолком,
В кресле котёнок свернулся клубком.

Тёплый и мягкий пушистый комок,
И не поймёшь, где тут хвост, где тут бок.

В комнате тихо, мерцает экран,
Пальцы на клавишах, рядом – стакан.

Плавает в чае лимон – что ещё?!
Крепко и сладко, и горячо.

Так же когда-то и ты целовал...
Год промелькнул, пролетел, пробежал...

Знаю примерно, что будет потом:
Вырастет дерево, вырастет дом,

Стану я бабушкой, дедушкой – ты,
Станут практичными наши мечты.

Ластиком память по сердцу пройдёт.
Что уцелеет, а что пропадёт?

Где-то на самом, на самом краю
Чаю покрепче себе заварю.

Крепко и сладко, и горячо.
Твой поцелуй... Что ещё, что ещё...

Оформление журнала - Святополк

Редакционная коллегия журнала приглашает авторов к сотрудничеству

- Принимаем на рассмотрение прозаические и поэтические работы любого объема с их дальнейшей публикацией на страницах журнала «Чешская Звезда».
- Осуществляем публикацию и помощь в реализации книг на территории Чешской Республики и Евросоюза.

Телефон редакции: **+420 353 223 292**

Электронные почты:

nick@czechskazvezda.net

czechskazvezda@seznam.cz

Адрес для почтовых отправок:

Vítězná 37/58, Karlovy Vary, Drahovice 360 01 Česká republika

Адрес редакции:

Horova 2017/12, č. k. 219, Karlovy Vary, 360 01 Česká republika

По вопросам размещения рекламы обращаться по телефону: **+420 353 223 292**

или по электронной почте: skleneny.mustek@seznam.cz

Надя Серебрякова

Капля времени

Было уже совсем темно, когда Энн вдруг почувствовала сырость от остывшего песка и холод от поднимающихся все выше волн еще пару часов назад такого теплого и приветливого моря.

— И как ты там себя чувствуешь? — раздался объемный гул, похожий на вселенский голос. — И что происходит тогда?

«Тогда — это когда?» — подумала Энн. — «Может, достаточно делить мою жизнь на «тогда» и «потом»? Сконцентрироваться на «здесь и сейчас» помогала пока только боль в пальцах правой руки, как после ушиба. Тыльная сторона кисти Энн была сплошь покрыта царапинами и кровоподтеками, что не давало расслабиться измученному последними событиями сознанию.

— Что происходит? Что происходит? Да плохо мне, вот что происходит, — крикнула в пустоту Энн. — Было хорошо, а тут вдруг все краски потускнели, море изменилось, моя жизнь изменилась.

Она еще до конца не осознавала, про какие изменения говорила в этот момент. Одно оно — море, навсегда завладевшее ее разумом и мыслями, теперь могло так играть с сознанием, погружая в странные минуты то ли сна, то ли реальности. Но какой реальности, Энн понять не могла. И если море сыграло с ней такую шутку, то оно же и вернет ей память. В этом она не сомневалась.

На мгновение, как вспышка, в голове эхом прокатилось чье-то незнакомое имя: Эд — Эдд — Эддт. Нет, это море холодной волной смывало шуршащую гальку. Энн сидела неподвижно на осколке скалы. Ей хотелось окунуться в пену, играющую у ног. Казалось, это ослабит боль и вернет свежесть тела и духа, как это бывало всегда на этом месте.

— Что ты хочешь теперь? — услышала она еще один вопрос.

Как же ей не пришлось сразу в голову, что вопросы задавало само море?! Так значит есть шанс во всем разобраться? Ведь если она не сможет понять все то, что тяжелым грузом легло в ее сознание за последнее время, то какой смысл бояться и прятаться от правды? «Пусть лучше оно меня поглотит, чем оставаться в этом безумии», — стучало в ее висках.

— Для начала я хочу разделить все на реальность и твой вымысел, — уже спокойнее, но достаточно громко ответила Энн.

Теперь она была уверена в том, что все произошедшее с ней началось именно здесь.

— Все в твоей голове, ищи там, — был ответ.

— Жизни не хватит разобраться с тем, что случилось со мной. Мне нужна твоя помощь, — как можно более убедительно попросила Энн.

— Тогда ответ на мой предыдущий вопрос, — донесся тот же гулкий голос.

Энн погрузилась в обрывки воспоминаний. Ей казалось, невозможно ответить на вопрос «что ты хочешь теперь», пока не подведешь черту. Ту, которая проходит по линии «тогда, теперь и потом». Как на самом серьезном экзамене, Энн пыталась сконцентрироваться. Ей мешало все: и боль в руке, и шум моря, и чайки, и даже неожиданно выглянувшее солнце. Хотелось лечь и уснуть, чтобы проснувшись встряхнуться и побежать в прохладную воду, а потом выйти на берег, прыгнуть на мелкую гальку, пропитанную солью, лежать и млеть от удовольствия. Но вопрос был серьезнее, чем на экзамене. И мечтать не было времени.

«Чтобы понять чего хотеть, надо вспомнить, кто я, и что со мной произошло» — первая, казалось, здравая мысль, с которой Энн хотела начать свои размышления.

— Сначала пойми, чего хочешь, потом придут нужные воспоминания, — раздался неожиданно тот же голос.

«Ага! Спасибо за помощь друга», — подумала Энн. — «Оно читает или видит то, что у меня в голове». Теперь можно было отвечать мысленно, не напрягая осипший голос: «Это же так просто! Всегда хотела настоящей любви. Только настоящей. За которую не жалко отдать жизнь. И чтобы в ответ была такая же большая и неподкупная любовь».

Энн вдруг вспомнила, что часто приходила к морю и знает его разным — ласковым и теплым, ночью качающим звезды, свирепым, холодным и даже лютым — зимой. Сейчас оно успокоилось и, казалось, приготовилось обнажить какую-то правду. «Так это же метафора!» — подумала Энн. Она вспомнила, что обороты речи часто выдают ответы на мучающие вопросы. Что значит в буквальном смысле «обнажить правду»?

Энн неожиданно спрыгнула с насиженного места прямо в море. И стоя по колено в воде, девушка остро ощутила: все начиналось именно так.

«Да! Да! Да! Да!» — кричало ее сознание — «именно так». И от того, что первый ключ, пожалуй, самый важный в этом безумном квесте, нашелся, Энн наполнилась вдруг надеждой на спасение. Она повернулась к морю лицом, выпрямилась, развела по сторонам свои руки и громко крикнула:

— Спасибо, море!

Сколько помнила себя Энн, столько и общалась с морем. Она часто просила его о разных одолжениях, как просят бога в храме, благодарила его, рассказывала о своих секретах. Но все эти разговоры были лишь придуманным в детстве ритуалом. О том, что море может ей ответить, ей не приходило в голову никогда.

Как только восторженная Энн открыла глаза, море изменилось, заштормило, небо потемнело, подул непредсказуемый в таких случаях ветер. Чтобы устоять на ногах, Энн прижалась к каменной глыбе. Ее правая рука вошла в расщелину в скале, и как по хорошо знакомому извилистому лабиринту пальцы, сантиметр за сантиметром, стали погружаться в ткани камня. И вдруг скала в одно мгновение раскрыла свои объятия и затащила девушку в щель, так легко и быстро, как если бы это была вода или приоткрытая дверь.

...В следующую секунду Энн увидела край лесной поляны, окруженный соснами. На высокой траве темным пятном лежал человек с распахнутыми в небо глазами.

Большая теплая прозрачная стена, мягкая, податливая, местами воздушная, встала между Энн и лесом. Казалось бы, вот ветки ближайших деревьев, которые так близко, что видно тоненькие еловые иголки и прожилки на листьях кустарников. Протяни руку — и ветка твоя! Энн пыталась сорвать лист орешника, но рука превратилась в далекую перспективу на большом холсте. Энн прикинула, что до ближайшей сосны не более двух-трех метров. Ну что это за расстояние?! Один хороший рывок и можно прикоснуться к шершавому, пахнущему свежей смолой, стволу. Она сделала этот рывок, но вместо слоистых пластинок коры дерева почувствовала какое-то обволакивающее покрывало без запаха и текстуры. Как прозрачный плотный туман, но не холодный, чтобы можно было бы его отделить от себя, скорее, как бесформенный скафандр без различимых границ. Как праздничный воздушный шар, но не наполненный гелием, чтобы шарик держался в воздухе, а как продолжение плоти Энн. Временами девушке казалось, что она попала в неведомую паутину, хотя липучести и не ощущалось, но было понятно, что вырваться самостоятельно из этого пространства у нее не получится.

Вконец измучившись, Энн села на корточки и заплакала. Не от обиды даже, а от непонимания того, что с ней происходит.

В это время всего в нескольких метрах от Энн человек, как на ожившей картине, стал подавать признаки пробуждения. Казалось, по его телу пробежала живая волна — от макушки до кончиков пальцев на ногах и обратно. Человек изогнул спину, потом втянул в себя грудь, и так несколько раз. Энн показалось, что он делает зарядку лежа, чтобы привести в движение все части своего тела.

Вот он сел на траве, несколько раз сделал движение головой то к одному плечу, то ко второму. Размял кисти рук, облокотился на правый локоть, потом на ладонь и аккуратно поднялся.

И уже через несколько секунд буквально в нескольких метрах от Энн стоял красивый благородного вида человек с глазами цве-

та утреннего моря и пшеничными волосами. На нем была кожаная длинная безрукавка, затянутая на плечах ремнями, с разрезами с четырех сторон, похожая на пластинчатую бригадину. Ну да! Вот и по четыре заклепки на каждой спрятанной под коричневой кожей пластине. На шее – металлическое в несколько слоев ожерелье.

Энн конечно же сразу вспомнила этот образ. Она столько раз видела его во сне! Еще в ранней юности она поняла, что ее преследует призрак рыцаря, которого она могла бы полюбить, если бы жила в «те времена». Но какие это были времена, Энн никогда не задавалась вопросом. А теперь вдруг этот призрачный образ явился перед ней во всей красе, а Энн не знает, что делать.

«Может, это сон?» – подумала она и больно ущипнула себя между большим и указательным пальцем правой, и без того пострадавшей руки.

Энн встала с корточек так, что оказалась в зоне видимости рыцаря. Она кивнула ему. Потом несмело помахала рукой. Но он смотрел сквозь нее. Он ее не видел. Энн сделала шаг навстречу вместе со своей прозрачной оболочкой, как игрушка внутри надутого шарика.

Это был густок времени, всего одна капля. Энн это еще только предстояло узнать.

Человек в доспехах медленно прошел в сторону от леса. Энн неуклюже повернулась в своей оболочке и последовала за ним.

Уже смеркалось, солнце медленно уходило за высокие столбы сосен. Идя в противоположную сторону от солнца, теплые лучи поначалу провожали девушку, но по мере удаления от леса становилось прохладно и сыро.

Вскоре ландшафт поменялся, и странная пара вышла на песочные дюны, кое-где заросшие сухой травой. И теперь другое море открылось взору Энн. Совсем не такое, которое она привыкла видеть с детства. Цвет моря, запах моря, берег, ветер – все было другим.

Рыцарь подошел к кромке воды, постоял немного и сделал несколько шагов назад, ближе к небольшому укрытию, береговому валу, естественным образом сформированному песчаными на-

носами, ветром и временем. Здесь даже успели кое-где прорасти редкие кусты приморской полыни и высокая трава, название которой большую часть года – сухой.

Мужчина скинул с себя поясную сумку, предварительно достав из нее маленький кожаный мешочек, стянутый серебряной бечевой, извлек кресало, небольшой кусок кремния и что-то наподобие льняного фитиля. Собрал несколько охапок сухой травы, и, встав на одно колено, стал разжигать костер. Энн подумала: «Ему бы хорошую зажигалку», – но вовремя осекла себя за глупую мысль. Она уже успела понять, что находится далеко за пределами своего времени.

Когда огонь показал первые языки пока еще невысокого пламени, рыцарь, продолжая подбрасывать сухой в костер, стал ходить кругами, принося каждый раз к костру то обломки старых лодок, то большие сухие ветки. Энн наблюдала за сюрреалистической картиной, все ближе пробираясь к костру. Она села, прислонившись к песчаному выступу, и почувствовала себя в тепле и безопасности.

Уставшая от этого бесконечно-вечного дня, загадок и невероятных событий, Энн закрыла глаза. «Не спать! Не спать!» – требовал мозг. Но с каждой вспышкой тревоги, как от всполохов горящего огня, как ни странно, ей становилось все теплее и комфортнее в этом песчаном укрытии. Она почти утратила способность реагировать на опасности, плотнее закрыла глаза и провалилась в сон.

– Что изменилось теперь? – вопрошало другое море.

– Я встретила свою любовь, – со счастливой улыбкой ответила Энн.

– И что ты еще хочешь? – спросило море в последний раз.

– Хочу остаться с ним здесь навсегда, – был ответ Энн.

Она, как ребенок, который потирается сладко во сне о подушку, несколько раз потерлась щекой о плечо рыцаря.

– Эдд, я нашла тебя, – тихо сказала Энн сквозь сон.

– Я ждал, – также тихо ответил Эдд.

Энн знала, что уже в следующей жизни им предстоит жить с Эдом в том, другом, ее времени.

Продолжение. Начало в номерах 34-37, 44, 46

Восточный хлеб

Азиатский хлеб это лепешки разного размера, технологий производства, названий и назначения. Конечно, в городах уже используют духовые шкафы. А вот глубинка сохраняет традиции – используя печи тандыр (тандур). Нам, в лучшем случае, следуя материалам интернета, знаком вертикальный тандыр, в который мудреным способом на стенки наклепывают тесто и загадочно выпекают. Сумасшедший Кулинар вносит подробности, как это делается по личным наблюдениям.

Во-первых, тандыр бывает, оказывается, не только вертикальный, но и горизонтальный, более удобный в применении в частном доме. По сути это печь, основная составляющая которой – закаленная глина. Горизонтальный тандур расположен на кирпичном постаменте. Обычно тандуров два или три, в зависимости от величины семьи, расположенные рядом. Находятся печи в отдельной постройке, пол которой земляной или бетонный. В этой же постройке имеется одно или два сооружения, напоминающие вырытые в земле П-образные ямки для костра, на стенки которых можно укрепить котелок для приготовления супа. На самом деле это такие же сооружения, как и тандыр, П-образной формы, приподнятые над землей на полметра, в среднем. Этикие "доисторические" плиты для приготовления пищи. Наличие их в доме вовсе не указывает на бедность. Это дань традиции, когда используется казан – азиатская кастрюля, выполненная из металла с 2-мя или 4-мя полуовальными "ушками" вместо привычных для нас ручек, используемых и по прямому назначению, и как упор при размещении казана

в подвешенном состоянии на вышеупомянутой "плите".

Между, например, двумя горизонтальными тандырами и двумя плитами на стенке-перегородке между печами у всякой хозяйки обязательно прикреплено зеркало. Не сложно догадаться для чего. А кому сложно – читайте дальше.

Растапливают тандыр ветками хлопка, как правило, уголь не используют: хлеб – таинство чистое и сажа ни к чему. Ветки хлопка горят сильно, образуют хорошие "долгоиграющие" горячие угли.

Итак, на нижнюю стенку горизонтального тандыра (дно у вас находится сзади, у стенки) насыпаются измельченные ветки хлопка, растапливается печь. Пока ветки превращаются в угли, готовится тесто. За это время оно успевает подойти и превратиться с помощью человеческих рук в небольшие лепешки. Их располагают на большом металлическом подносе, накрытом чистой тканью, и несут к тандыру.

Как только на дне печи образовалась кучка углей, ее накрывают металлическим листом, и можно наклепывать лепешки. Лепешки перекалывают на другое круглое эмалированное блюдо с водой. Воды не жалеют, должно немного плескаться. Смочив обильно стенки печи водой, лепешку также обильно смачивают водой с нижней стороны и, перевернув, с верхней. И тут же наклепывают на стенки тандыра, располагая тесто по всей поверхности сооружения, кроме задней стенки. Когда весь свод заполнен, на это уходит время, до 5-10 минут, печь закрывают металлической крышкой (как в наших русских печах дверца).

Далее работает только опыт. Хозяйка пару раз подглядывает внутрь, проверяя готовность (покоричневение) нижней поверхно-

сти лепешек. Удивительно, что ничего от стенок не отваливается и не пригорает. Чудо какое-то! Как только нижняя стенка лепешки побурела, металлический лист с углей убирают и далее пекут с открытой дверцей до приобретения лепешками красивого поджаристого цвета. Все, считается, что хлеб готов. Теперь его надо снять.

Вопреки описанному в разных источниках интернета убеждению, что лепешки сами отваливаются, и их надо вовремя поймать, чтобы не упали на угли, это **СОВСЕМ НЕ ТАК!** Готовые лепешки и на вертикальном, и на горизонтальном тандыре отлепливают с помощью человеческих рук! Поскольку стенки печи, да и сами лепешки очень горячие, используют приспособления-помощники. В идеале это металлическая лопатка, напоминающая совок (из подручных в хозяйстве средств удобна ручная пила), большая полотняная варежка (в Таджикистане не используется синтепон или иная синтетика) из натурального хлопкового материала, большое, не менее метра в диаметре, металлическое блюдо и... ваш опыт.

Это со стороны кажется простым и легким – снимать со стенок печи готовые лепешки. На самом деле, достаточно сложно. Запомните, лепешки сами **НЕ ОТВАЛИВАЮТСЯ!** Их снимают при помощи лопатки, держа ее в одной руке, другой, принимающей рукой в варежке – ловят готовую горячую лепешку. Лепешки выкладывают на поднос, обязательно дном вниз. Накрывают чистой сухой тканью и уносят в дом.

Прежде чем хозяйка вернется в дом, она непременно посмотрится в зеркальце (помните, на стенке между тандырами?).

Некоторое время лепешки "отходят" от печи. Потом их смазывают растительным маслом и через несколько минут подают.

Повседневный стол в быту. Мясо

О хлебе поговорили – как будто попробовали, оценили. Теперь о мясе.

Мясо на Востоке – один из основных источников белка, необходимого для человеческого организма. Другие источники – морепродукты или растительного происхождения – меньше пользуются спросом либо из-за их недоступности (в Таджикистане нет классического моря и нет морепродуктов), либо просто потому, что за мясом всегда выбор, когда есть.

Что же за мясо кушают таджики и какому отдают предпочтение? Тут большинство читателей в один голос восклицает: "Ясное дело – там по горам бегают бараны, а люди этих баранов едят!"

Несомненно, баранина более популярна по многим причинам. Во-первых, бараны и овцы наиболее неприхотливые домашние мясные животные. Они переносят и холода, и жару, подвижны, неприхотливы в еде и уходе. Видимо, поэтому их мясо богато внутренним жиром, который при приготовлении быстро "плавится", но и быстро "застывает" при охлаждении. А если вспомнить о курдюке, то сразу представляется бедненький барашек, с трудом несущий эту ношу. Курдюк сильно отличается от свиного шпика. А ведь жир из курдюка можно приготовить практически теми же способами, что и привычное нам сало. Кроме того, даже вкусные и питательные "конфеты" (рецепт приготовления "конфет из курдюка" описан в первом томе "Кулинарного бала"). Интересно? Подтверждаю, что, несмотря на то, что курдюк – это сало, оно, в отличие от свиного сала, не приедается. И, например, приготовленных шкварок можно съесть весьма много без хлеба, и никаких неприятных ощущений не получите. Другое дело, о чем нужно помнить – курдючное сало, да и сама баранина, являются продуктами повышающими давление у человека. Поэтому следует увлекаться бараниной осторожно.

Во-вторых, баранину удобно готовить и, в-третьих, удобно хранить в приготовленном виде. Какие основные способы приготовления мяса у нас? Сварить, пожарить. Варим мы мясо в воде, жарим на масле или жире. Запекаем еще. В Таджикистане исторически мясо варят в большом количестве масла, по-нашему – во фритюре, и в этом же масле хранят. Такое мясо не один месяц может ждать, пока его съедят, причем ждет без холодильника. Когда впервые угостили меня таким мясом, не поверила, что оно приготовлено не сразу, и боялась отравиться. Но хозяева, в том числе и дети, кушали с удовольствием и остались живы и здоровы. Способ очень удобный и практичный при перепадах с электричеством в горах, труднодоступных селениях, в жару при сезонных работах в поле во времена колхозов. Перед хранением мясо режут на куски средней величины, обильно солят, благо в стране громадные источники поваренной соли, оставляют на несколько часов. Потом в казан наливают масла или растапливают жир, выкладывают мясо, слегка, а

можно этого и не делать, отжимая, и кипятят в масле до момента, пока количество мяса не уменьшится хотя бы наполовину. Охлаждают и в этом же масле хранят.

Калорийное – да, жирное – да, в представлении европейца трудноперевариваемое и тяжелое – да. Как и в любом кулинарном рецепте, особенно, национальном, в приготовлении такого мяса у таджиков есть секрет. Кстати, этот секрет используется и при употреблении восточными народами продуктов из бобовых культур. Растет такая травка на Востоке и в Индии. Называется кумин или ажгон. Семена ее имеют пряный специфический запах и привкус, мне напомнило смесь тмина, укропа и кинзы. Эту травку нещадно кладут в вареное в масле мясо. Добавляется пикантности. А главное – эта травка при употреблении жирного мяса помогает избежать неприятных ощущений человеку и помогает пище перевариться без последствий для организма.

Повседневный стол в быту. Петух

Употребляют ли в Таджикистане в пищу птицу? Конечно, да. Держат тут и кур, и петухов, и индюков, и уток. Утки, правда, преимущественно предпочитают жить в дикой природе.

Петухи... забытая птичка на просторах русской глубинки – сел и деревень. Еще лет 20 назад приезжаешь на Псковщину или в Новгородскую, Смоленскую, Ростовскую область, идешь по улочкам – над тобой нависают фруктовые или ягодные деревья, распространяя ароматы спелых плодов, падающих тут же на иссохшую от жары землю, или спелыми гроздьями падающих вам на голову, оставляя следы спелого сока, а почти за каждым забором – нет-нет, да и пропоет петушок.

Автор этих строк с удовольствием вспоминает те времена – яркие окраски курочек и петушков, разноголосые песни хозяина сельского птичьего двора. Взлетит петушок на забор, а который поленивее, пооткормленнее – во двор из курятника выйдет. Расправит крылышки, перья по ветру поставит, встрепенится и запоет голосом таким громким и таким звонким, что Солнышко непременно проснется и, откинув свое небесное одеяло, потянется на синем небе, встанет и засияет новым днем.

Ныне же проходишь по улицам русских селений – пустынно, тихо. Лишь признаки автоматизированной цивилизации кругом. И те немногие курочки, которые кое-где селятся, не так веселы и не так плодотворны. Стоит, однако, отдать должное на первый взгляд заброшенным птицефабрикам Ленинградской области. Те, которые выжили благодаря труду и патриотизму работников и работниц, после введения продуктовых санкций затюканной заокеанским другом Европой расцвели и регулярно снабжают нас качественной куриной продукцией. Курочки на этих предприятиях содержатся, как королевны, а получаемое от них мясо и яйца достойны высших похвал и по экологичности, и по безопасности – как давно вы могли позволить себе выпить сырое яйцо?

Петушок-Петушок, золотой гребешок,
Шелкова бородушка, масляна головушка,
Что ты рано встаешь, детям спать не даешь?

В таджикских городах, конечно, птичью живность не держат. А вот в кишлаках (по-европейски – в деревнях и селах) петухов и кур достаточно. Сельский петух, подобно султану с разнопестрым куриным гаремом, чинно вышагивает, не имея препятствий, и по двору, и по огороду. Время от времени потягивается, высматривает заблудившуюся в зарослях томатов или баклажанов жену или наложницу и громогласно призывает ее возвращаться под свое крыло.

Петухов, по мере возможности, сельские жители в Таджикистане приобретают разноцветных. Ибо петушиные бои весьма распространены в таджикских кишлаках.

К слову сказать, домашних сторожил – собак – также выбирают тщательно. Маленьких, декоративных не держат. Обязательно во дворе должен быть Полкан (по размерам). Собаке подрезают уши и хвост. Делается это для того, чтобы во время уличных боев ничего не мешало скорой победе. Как борцы сумо оставляют на теле минимум одежды.

Также и петух. Непременно у него подрезаны крылья, но велик выхолонный красивый петушиный хвост, признак статуса и отвлекающий маневр для противника. А вот мясо у петуха жесткое, мускулистое. Разве что для наваристого супа да для холодца подходит. Наварят бульона, покидают туда готового куриного мяса, и, охладив, кушают.

Продолжение следует

Павел Савилов

ВОСПОМИНАНИЯ О МИХАЙЛОВСКОМ

Г.В. Иойлеву
Д.О. Тиханову

Старинный парк, хранимый комарами
Июль встречает тишиной дыша.
Луг заливной. На нём между стогами
Два аиста гуляют не спеша.
Заросший пруд глазёнками кувшинок
Гладит на мост, нависший над водой.
А борщевик в соцветиях-корзинках
Покачивает тихо головой.

Экскурсовод рассказом увлечённый
Заводит в глубь задумчивых аллей,
Где по преданьям кот ходил учёный,
Всех поражая мудростью своей,
Там среди кустов имеются дорожки,
Где люди видели следы иных зверей.
Избушка там была на курьих ножках,
Без окон и конечно без дверей.

Подходим к дубу. В древности замшелой
Златая цепь вокруг него была
Над ней русалка на ветвях сидела
И слушала учёного кота.
В лесной чащобе хоронился леший
Над златом чах его сосед Кощей
От той поры остался только прежний,
Особый запах Родины моей.

Вот барский дом. Чуть всхлипнули ступени
Открылась дверь и я уже в сенях,
Где свет дневной разглаживает тени
На заморённых временем стенах.
Проходим вглубь, глядим убранство комнат,
И, наконец, заходим в кабинет.
Он небольшой, да и обставлен скромно,
Но здесь творил великий НАШ поэт.

И будто в явь передо мной воскресла
Картина, с детства виденная мной:
Друг Пушкина сидит в потёртом кресле,
А тот пред ним стоит к столу спиной.
И с увлеченьем Пушкину читает
Комедию про горе от ума,¹
А за любимцем няня наблюдает,
Вязанье продолжая не спеша.

Увы, но время требует движенья.
Экскурсовод зовёт нас за собой.
Не выдавая своего волненья,
За ним иду с поникшей головой.
Опять скрипят знакомые ступени,
Но нет теней в распахнутых сенях.
Сойдя с крыльца мы движемся к аллее,
Что заблестела в солнечных лучах.

Заросший пруд глазёнками кувшинок
Гладит на мост, нависший над водой,
А борщевик в соцветиях-корзинках
Кивает нам седую головой.
Как поезд приближается к вокзалу,
Кружился аист в небе не спеша.
И всем казалось, так нас провожала
Поэта русского бессметная душа.

24.06.2016, д. Михайловское

1 11 января 1825 года А.С. Пушкину, сосланному в 1824 г. в с. Михайловское, его лицейский товарищ И.И. Пущин привёз комедию А.С. Грибоедова «Горе от Ума», которая привела в неописуемый восторг ссыльного поэта. Эту сцену по воспоминаниям Пущина изобразил в своей картине Н.Н. Ге

Н.Н. Ге, «Александр Сергеевич Пушкин в селе Михайловском» (1875)
Из собрания Харьковского художественного музея

СКАЗКА НАШЕГО ВРЕМЕНИ

...Никому не следует превращаться из действующего лица в наблюдателя, и тут совершенно не принципиально, по какую сторону решетки зоопарка ты находишься.

В нашем стремительно меняющемся мире именно дети оказываются впереди всех, первыми воспринимая все новые веяния человеческого общества да и просто моды. Будто губки, они впитывают все, что способны поглотить, до чего в состоянии дотянуться, с каждым поколением формируя свой особенный, новый мир.

Однако входя в пределы нашего мира они зависимы от нас, взрослых. И во многом как раз мы решаем, что будет написано на этих чистых листах. В частности - какие игры, фильмы и книги станут их проводниками во взрослую жизнь, помогут постичь ее правила и законы. Об одной из таких книг - «Белый Тигр. Городекая история» - и пойдет речь ниже.

Белый тигренок живет с бабушкой в необычном зоопарке - настоящем городе зверей, где с уходом последнего посетителя открываются все клетки, а жизнь их обитателей оказывается не менее насыщенной и разнообразной, чем наша. Жители ссорятся и мирятся, некоторые - как, например, бабушка нашего героя - занимаются наукой и ездят на конференции, другие - создают собственную радиостанцию. Мечта тигренка - работать ведущим на радио, и он всеми силами стремится к воплощению этой мечты.

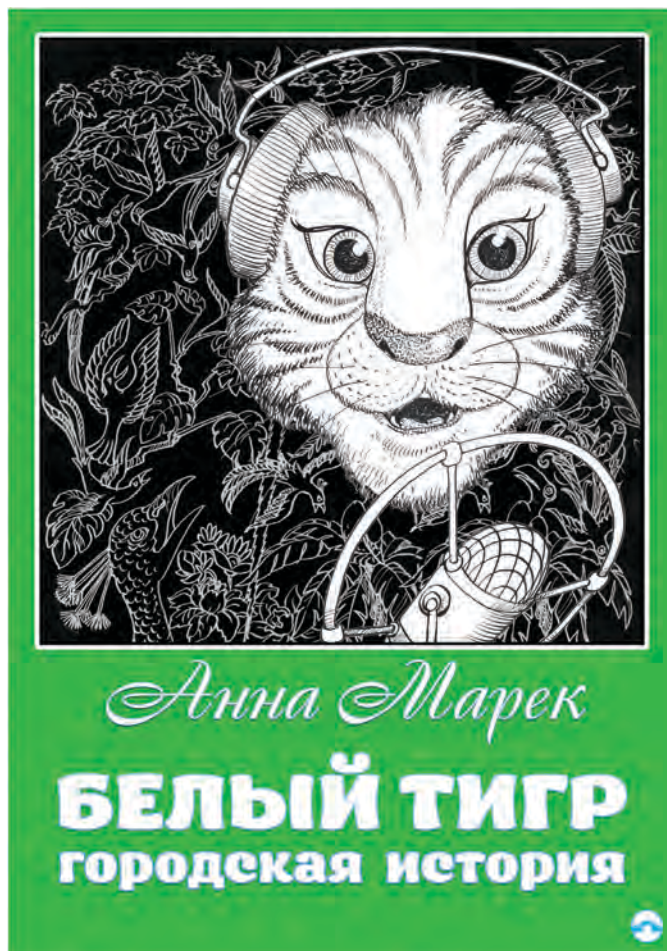
«...Сидя в полутёмной студии за широким полированным сто лом, Тигрёша что есть силы вжал коготки в серые подушечки. Только бы не поцарапать столешницу! В зеркальной её поверх ности под мохнатыми тигриными лапами отразился крутой бе лый лоб с чёрными полосками, голубые глаза, широкий нос с розовым треугольничком на конце, длинные белые усы. Он на секунду задержал дыхание, затем сделал глубокий вдох. Грудь с расходящимися к плечам чёрными полосками поднялась и плав но опустилась. «Вот он я, – пронеслось в Тигрёшиной голове, – в студии, перед микрофоном... И эти лапы, и грудь, и колени, и хвост, и уши, – всё это я!.. И я – на радио!»

Реальность, в которой разворачиваются события книги, с одной стороны, абсолютно самодостаточна, подобно долине Мумми-троллей из книг Туве Янссон, однако, с другой стороны, ей присуща аллегоричность, связывающая ее с нашим миром, миром людей. В героях книги легко узнать знакомые нам типажи, события, происходящие с ними, вполне могли бы случиться и в повседневной реальности...

Но что же главный герой? Каждый вечер, покидая привычный вольтер, он постепенно взрослеет, и жизнь мало-помалу раскрывает ему свои простые секреты: «хочешь воплотить мечту - надо трудиться над этим», «делая добро - спеши, завтра может быть уже поздно», «рост и возраст - еще не признаки взрослости и самостоятельности»... И юный тигр, не забывая об этом, идет к своей мечте.

Интересно, что в тексте нет ни малейшего намека на морализаторство, которым часто грешат авторы детских книг. Напротив: читателю предлагается сразу несколько оценок ситуации, среди которых он может выбрать ту, что ближе ему, привыкая мыслить и оценивать самостоятельно.

«...На верхушке полузасохшей пальмы сидела грузная чёр но-белая птица с короткими округлыми крыльями и исполинским жёлто-красным шлемом,

ISBN 978-80-7534-160-0, 978-80-7534-164-8

загнутым вверх наподобие рога.

– Вот так пугало! Она что, рог у Овцебыка одолжила? – Ты грёша скорчил гримасу и выпучил глаза. Задиристый тигрёнок, живший в его душе, изо всех сил лез наружу.

– Никакое это не пугало. Это Носорог... – Сказала Бабушка.

При этих словах Носорог-птица оттолкнулась от пальмы короткими ногами и едва не сбила двух серебристых колибри и крошечного красногрудого попугайчика.

Тигрёша прыснул:

– Смешной он! Нарисуешь такого – все обхохочутся. Вот вы шла бы карикатура!

– А что, если на тебя нарисовать карикатуру?

– Да пожалуйста! – Тигрёша расхохотался. – Я готов хоть сей час! Только причём тут я? Мы говорили о птицах.

– Ах да, верно, ты же не птица...

– Так что, смеяться запрещено?

– Отнюдь, смейся».

И еще одна важная мысль, которой буквально пронизана вся книга, представляется на сегодняшний день особенно актуальной: «жизнь - это здесь и сейчас. Не бойтесь в ней участвовать». К сожалению, в современном атомизованном обществе пассивность, даже индифферентность - одна из самых часто встречающихся черт, и на данный момент нет предпосылок для изменения этой ситуации в лучшую сторону. Но, по мере возможности, никому не следует превращаться из действующего лица в наблюдателя, и тут совершенно не принципиально, по какую сторону решетки зоопарка ты находишься.

ПРИЯТНОГО ВАМ ЧТЕНИЯ!

«...ветер слабый до умеренного, местами пройдет небольшой дождь...» Дальше что-то в динамике зашипело, затрещало, и слушать стало противно и невозможно...

«Хм ... местами!», – дождик весело шлепал по лужам на мостовой, по облетающей листве деревьев, по жухлой траве давно нестриженных газонов, улыбаясь изредка выглядывающему солнцу и загоняя случайных прохожих под навесы остановок, на лету плотно прижимая длинноногих девчонок и суетливых старушек к фасадам усталых домов. Кружил по набережным широкой реки, по опустевшим улочкам и переулкам, изредка вглядываясь в темные окна бодрых новостроек и покосившихся флигелей когда-то нарядных, как медовый пряник, усадеб.

Этот прогноз – «местами ...» охватывал ознобом весь город с прилегающими территориями коттеджных посёлков и пригородных дач. Похоже, дождик и не собирался никуда уходить: «Там надо набережную отмыть после летних гуляний; тут пару десятков домов пролить с крыш и до самого фундамента, тогда дотряпывай бы наконец-то занялись текущим, в прямом и переносном смысле, ремонтом; ливневку забить мусором и опавшей листвой, чтоб коммунальщикам не спалось и не повторился бы больше летний потоп, – да мало ли дел у хорошего-то дождя ... Конец сентября, времени совсем мало осталось ...», – размышлял себе дождик, проливая своё тепло на озябшую землю.

Так думал лёгко до умеренного моросящий осенний дождик, не подозревая даже, что думать-то ему нечем и никем не положено, и что он – всего лишь явление природы, результат столкновения холодных и тёплых воздушных масс. Так думали бегущие по земле от дождя люди и даже не подозревали, что электрические разряды, создаваемые движущихся магнитными полями в бескрайних просторах воздушного бассейна Земли, были результатом бушующих мыслей и чувств разумной ноосферы, ещё более мощного разума, чем человеческий, поскольку ёмкости электрических полей им управляемых, в сравнении с людскими, были воистину безграничны.

Именно поэтому осенний дождик местного разлива совершенно не волновало то, что о нём думают люди, эти нелепые существа, энергии которых едва хватало на поддержание своей собственной жизни, в то время как его больше заботили дела планетарного масштаба – где-то надо уровень грунтовых вод повысить, здесь – надо землю подсушить, через три недели подготовить горы и долины к предстоящей зиме, да мало ли дел у хорошего дождя для поддержания оптимального энергетического баланса территории всей планеты.

Так, исполненный насущными заботами, долетел осенний дождик до «Белого Лебедя», одиноко стоящего на левом берегу реки среди унылых пятиэтажек и деревянных развалюх. Залетел во двор и стукнул в ближайшее окно. С другой стороны на него грустно смотрел человек, неловко опираясь на деревянные косяки. У человека была перебинтована нога в гигантской стальной конструкции «аппарата Илизарова», которую он подвлакивал, с трудом передвигаясь по комнате и оттого ещё больше казался неуклюжей сломанной игрушкой, которую и бросить жалко, и для игр она уже не годилась. От жалости у дождика перехватило дыхание, он на минуту затих, а потом с новой силой забарабанил по стеклу и карнизу крича в стекло: «Эй! В глубине! Чем тебе помочь?!»... Грустный человек, словно услышав что-то, подошёл к окну и приблизился к мгновенно запотевшему стеклу.

Я плотно прижался горячим лбом к ледяному окну. Стекло потеплело и, наконец, поплыло в глубину вязкой массой под тяжестью загруженной видениями головы. Этот факт не тронул меня, поскольку частые и внезапные головокружения стали обязательной нормой повседневной теперешней моей жизни. Я только крепче зажмурил глаза и целиком отдался необычным ощущениям. В конце-то концов, в моей ситуации, надо уметь из всего получать или пользу, или удовольствие, – главное, ничего не упускать.

Перед глазами проносились эпохальные картины то ли боёв без правил с татарскими ордами, то ли эпические сюжеты последних судорог псов-рыцарей, тонущих подо льдом Чудского озера, то ли разрозненные кадры восстания и гибели Спартака с сотоварищами. Картины сменялись одна за другой безо всякой на то причины, логики, смысла и временной последовательности. Впрочем, одно общее было у всех этих видений – незавершенность каждого действия – в самый кульминационный момент до своего окончания одна картина мгновенно сменяла другую и действие разворачивалось уже в ином историческом контексте и порядке. Где-то в вышине многоголосое эхо хором Турецкого нашептывало мартиновские бессмертные строки: «...Ты не почитай себя стоящим только здесь вот в сущем, в настоящем. Ты вообрази себя идущим на границе прошлого с грядущим ...».

Стекло снова поддалось и заставило меня открыть, наконец, глаза. К моему удивлению, всё оставалось как и прежде – стекло было ровным, прохладным и гладким, с запотевшими краями вокруг границ прикосновения головы и каплями дождя, медленно стекающими по глянцевой поверхности стекла. «Показалось», – с облегчением вздохнул я и снова закрыл глаза, крепко прижавшись к почти уже теплему стеклу.

Тщательно вычищенный Поролоновый ослик высунул мягкую голову из-под дивана и задумчиво глядел в мою сторону – как я справляюсь в одиночку с новыми формами бытия. Откуда-то выпорхнула нарядная Сонечка и уютно устроилась на потолке, с интересом наблюдая за моими действиями. Молчание моих спутников изрядно накаляло и без того нелепо разогретую обстановку. «Пустое это», – мягко и чуть слышно прошелестел пористыми губами Ослик, – «Всё вернётся – надо уметь ждать и повернуть ход своей истории в нужном тебе направлении...» – ...всегда вот у него так всё просто и гладко... Ещё мгновение – и мы уже шлепаем по лужам вечернего города, мимо знакомых дворов и переулков, ясно осознавая конечную цель и смысл нашего движения. На улице буйствовал ветрами сентябрь 2016 года. Позади остались игры разума с переходами между мирами, временными колодцами и хаотичными темпоральными сдвигами.

Впереди – самая трудная и главная в жизни дорога – домой: прийти в себя, к сути бытия и сознания, успеть вернуться к самому себе. Не каждому это даётся, но, кажется, я успеваю. И это будет самым трудным и долгим испытанием на всём осознании последнего пути.

В прозрачном воздухе над планетой струился хрустальный перезвон серебряных струн чьих-то несбывшихся желаний и надежд, формируя своими резонансами иные мотивы, ситуации и тренды для следующего поколения.

Рожденные под шепот весенних листьев первые проявления вселенской любви и нежности согревали в этот момент несмет-

ное число одиноких сердец, сводя и навечно скрепляя их вместе под изящный аккомпанемент нарастающей волны глобального равновесия в природе.

Всё несбывшееся и прошедшее затерялось где-то далеко и перестало больше волновать Поролонового ослика, а вместе с ним и его близких друзей. Лёгкой тенью пронеслись они мимо своих лучших лет, но это было уже не важно – их дети и дела давно уже выросли, а вот игры остались, только подросли и одряхлели вместе с хозяевами. Глухие шаркающие шаги повзрослевших хозяев жизни нарушали время от времени гармонию природы, но ничего не могли изменить в стремительном росте новых жизненных сил. Природа стремительно наступала, а тёмные пятна в её истории бесследно исчезали с последними признаками уходящего лета.

А дождик всё стучал и стучал в закрытое окно, призывая услышать его и откликнуться. Только тогда он бы смог собрать и на-

править всю силу своих энергетических полей по этому хрупкому мостику к проблемам и боли человека за стеклом. Но человек неподвижно стоял, прислонившись горячим лбом к холодному и гладкому стеклу с запотевшими краями вокруг места прикосновения, и редкие слезинки дождя, словно стесняясь, робко стекали по глянцевой поверхности.

Никакие силы не властны над «слабым и одиноким человеческим существом», энергии и сил которого едва хватало на поддержание трепетного пламени своего бытия до тех пор, пока волей и разумом человек не повернет свою историю вспять и обратится, вопреки обстоятельствам, к истокам собственного бытия и смыслу просветленного сознания – к продолжению жизни. А тогда сможет он и в одиночку – сдвинуть гору, под которую – вскачь, на неё – хоть плачь, а умный гору – обойдет.

Snip, snap, snout,
This tale is told out!

Маленькая, потёртая временем Пуговица грелась на солнышке, ожидая окончания очередной партии в домино.

– Рыба! – дрогнула старая кацавейка, да так сильно, что лопнули подгнившие пуговичные нити. Пуговка оторвалась от матери-кацавейки и, как пружинка, отлетела прочь на газонную траву.

– О-ой! Да как же это? – пискнула Пуговка. Кусочком нити она смахнула слезинку вечерней росы, выкатившуюся из её дырочки, и осмотрелась. Мать-кацавейка, будто ничего не произошло, продолжала ласково обнимать дедушку Кронита. А тот поглаживал её своими шершавыми ладонями и складывал фишки, считая «вес» пойманной им рыбы.

Пуговица впервые видела деда одетым неряшливо. Такого раньше не случалось. Кронит был наследным интеллигентом и даже малый изъясн в одежде, например, отсутствие пуговицы, воспринимал как неправильно решённое уравнение. А для школьного учителя математики подобная «алгебраическая» неточность попахивала личным фиаско.

«Э-э, нет, – вдруг вспомнила Пуговица, – в 37-ом году случилось...»

...Люди в погонах заперли Кронита в сыром подвале и долго били. Тогда-то мать-кацавейка и растеряла почти все свои пуговицы. На третий день отпустили. Кронит кое-как вернулся домой, дверь ему открыла бабушка Оля, живая, молодая и красивая. Дед взглянул на неё и прямо в дверях упал в обморок.

Долго потом Оля, растопив в слезах кусок хозяйственного мыла, отстирывала кровь с одежды мужа.

Пуговица припомнила белый шрам на матери-кацавейке от воротника до самой поясницы:

...Подвал, крик следователя и стон деда. В две крохотные дырочки, прикрытые чубчиком швейных нитей, пуговка наблюдает, как писарь вскакивает со стула, подбегает к деду и бьёт его чем-то тяжёлым в затылок. Потом сгребает мать-кацавейку в свой огромный кулак и волочит деда по бетонному полу. Мать не выдерживает боль и рвётся пополам. Дед падает из рук мучителя. Писарь отряхивает ладони, вытирает носовым платком пот со лба и садится за стол. «Продолжим» – говорит следователь.

Писарь, обмакнув перо в чернильницу, начинает записывать ещё несуществующий ответ деда.

– Милый дед, – вздохнула Пуговица, рассматривая широкую заплату на правой брючине чуть ниже бедра...

...Шёл 1962-ой год. Кронит, уволенный из школы за то, что не пропустил в выпускной класс сына секретаря райкома, отпетого двоечника и маленькую детскую сволочь, четвёртый месяц работал егерем в лесном урочище Сандармох, что на берегу Ладожского озера близ посёлка Повенец. Трудная была работа, и место тяжёлое, расстрельное.

Однажды обходом набрёл он на двух матёрых браконьеров. Те завалили лося и только принялись свежевать тушу. Увидев Кронита, разбойники похватили ружья и точно б прибили деда, но в этот миг из ельника выкатился огромный медведь-шатун. Медведь, дуря от запаха крови, бросился на Кронита. Браконьеры на стали стрелять в медведя, а подхватив отрубленные лосиные рога, пустились наутёк. Кронит сорвал с плеча ружьё, но выстрелить не успел. Медведь ударил его лапой в правое бедро, повалил и... вдруг спрятал назад, истошно рыча и перекатываясь по снегу. Его правая задняя лапа оказалась перехвачена острозубым медвежьим капканом, из-под лезвия которого уже вовсю хлестала и пенилась бурая кровь зверя.

Когда Кронит, пошатываясь, добрёл до дома, на крыльце его встретила заплаканная от тяжёлого предчувствия Оля. Она проплакала весь вечер, отпаивая мужа горячим чаем с рябиновой и вшивая в правую брючину ту самую заплату.

Невесёлые воспоминания пуговики прервал окрик деда:

– Вот те на! А пуговица-то где?

Старички нагнулись и стали шарить в траве вокруг стола. «Я здесь, здесь!» – Пуговка силилась им помочь, но говорить вслух она не умела, а её лакированный бочок под вечер уже не так поскрипывал, как, скажем, пополудни.

– Да вот же она! – Кронит наклонился до земли и аккуратно двумя дрожащими пальцами поднял Пуговицу, смахнул оставшиеся от вечерней росы слезинки и положил в карман своей кацавейки. «Опять я у мамы в животике!» – зевнула нагулявшаяся во дворе Пуговка и тотчас уснула тихим, безмятежным сном.

"Автомобиль – не роскошь, а средство передвижения!" – провозгласил однажды всем известный литературный герой.

Конечно, мало найдется людей, кто примется опровергать это, ставшее крылатым, утверждение. Автомобиль, конечно, – не роскошь. А роскошный автомобиль... В эпоху больших скоростей, шикарных машин и ярких рекламных роликов, рассказывающих о всех прелестях обладания этими современными благами цивилизации, какой ребенок откажется лишний раз прокатиться на красивом автомобиле и почувствовать себя частью этого притягательного мира!

Полинке тоже очень нравились автомобильные прогулки. Тем более, что наш автомобиль она считала вполне достойным стать звездой какой-нибудь яркой телерекламы. Но поездки, участницей которых она обычно становилась, были короткими, ограничивались дорогой к бабушке в поселок, музыкальную школу, бассейн или во дворец детского творчества.

Но вот, наконец, пришло время и Полинке принять участие в большом путешествии, чему малышка была несказанно рада. Цель предстоящего автопробега заключалась в том, чтобы забрать старшего брата маленькой Полинки из летнего лингвистического лагеря, что находился почти в трехстах километрах от нашего города. Учитывая тот факт, что юному пассажиру нужно будет находиться в машине почти целый день, приготовления к предстоящему путешествию были очень скрупулезными. В дорогу бабушка собрала большую корзину продуктов: яблок, бананов, печенья, бутербродов, коробочек с соком и прочих вкусностей. На случай всевозможных форс-мажорных обстоятельств были приготовлены комплект запасной одежды, сухие и влажные салфетки всех мастей, постельные принадлежности и еще многое другое.

Полинка в подготовительных мероприятиях принимала самое непосредственное участие. Как настоящая маленькая леди она в первую очередь побеспокоилась о содержимом своей модной девичьей сумочки. После тщательной домашней ревизии всех коробочек и шкатулочек с различными детскими украшениями, были отобраны самые нужные. Таковых оказалось не менее дюжины. А крошечная серебряная подвеска-сердечко удостоилась высокой чести быть повешенной на шейку малышки.

– Это моя любимая бриллиантовая! – сказала Полинка бабушке, крутясь перед зеркалом.

Кроме того, в сумочку были сложены зеркальце, детская гигиеническая помада, туалетная вода для девочек, детский лак для ногтей и прочие "необходимые" в дороге атрибуты красоты. Но красота – красотой, а о цели поездки малышка все-таки, надо отдать ей должное, не забыла. Для любимого брата был заранее нарисован портрет кошки, который внимательная сестра аккуратно сложила в почтовый конверт, написала на нем огромными буквами "Вове" и поместила в ту же сумочку.

Но вот все приготовления закончились, настал час отъезда. Я села за руль, бабушка расположилась рядом на месте пассажира, Полинка удобно устроилась в детском кресле на заднем сиденье машины, рядом с которым поставили ту большую "вкусную" корзину. Маленький пассажир, оценив сначала глазами все ее содержимое, потом тщательно в нем покопавшись, остался очень доволен результатом осмотра. Закончив с проверкой корзиночного ассортимента, Полинка посадила на колени своего маленького плюшевого лемурчика, достала из сумочки зеркальце и, критично оглядев появившуюся в нем Полинку, важно сказала:

– Мамочка, в машине очень жарко. Включи, пожалуйста, коллекционер.

"Коллекционер" в режиме "авто" быстро отрегулировал микроклимат в салоне, таким образом, за пределы нашего города мы выехали в окружении комфортной прохлады.

Вскоре я подрулила к заправочной станции пополнить запасы топлива перед долгой дорогой. Вставив в горловину бензобака, как всегда, пистолет ярко желтого цвета, соответствующий девятности пятому бензину, я направилась оплатить услугу. Полинка, держа в руке надкусанную половинку яблока, очень внимательно наблюдала из окна автомобиля за всеми моими манипуляциями. Наконец, окончив заправочную процедуру и включив двигатель, мы выехали на дорогу.

– Мамочка! – начала вдруг Полинка. – Мне нужно спросить у тебя одну очень важную вещь.

– Спрашивай, – приготовилась я.

– Почему ты заправила желтый бензин, а не красный? – в голосе малышки звучало недоумение и некоторое сомнение относительно правильности выполненных мною действий.

– Ведь у тебя же машина красная! – причина высказанного опасения стала очевидна.

Объяснять дочери принцип работы двигателя внутреннего сгорания, про октановое число, его влияние на детонационную стойкость и скорость сгорания топлива, было бы, несомненно, в данной ситуации излишне. Тем более, что я сама обо всем этом имела очень поверхностное представление.

– Просто, этот желтый бензин лучше для нашей машины, чем красный, – ограничилась я.

– Почему? – не унималась новоиспеченная автолюбительница.

– Ну, так сказали твои папа и дедушка. – Я решила, что мнение двух авторитетных лиц будет, несомненно более весомым для дочери, чем только одного из них.

– Спросишь у них завтра, они в этом понимают гораздо больше меня, – сняла я, таким образом с себя ответственность, переложив ее на мужские плечи.

На этом тема полезной необходимости "желтого" бензина была закрыта. Некоторое время Полинка сидела молча и смотрела в окно. Тем временем, скучные пейзажи с березовыми рощицами, перелесками и давно невспаханными участками земли, заросшими молодым ельником, сменились удивительной красоты полями желтой люцерны. Сочная зелень молодой травы сверкала в лучах солнца так, словно кто-то просыпал на нее изумрудную пыль, а в сочетании с ярко желтыми цветами была похожа на шелковый огромный ковер, для изготовления которого невидимый мастер не пожалел самых дорогих и ярких красок. Я поймала себя на мысли, что вся эта желто-зеленая красота под голубым небом, окаймленная у линии горизонта тонкой полоской соснового леса, напомнила мне холмистые пейзажи Италии, ее знаменитые золотые поля подсолнечника. И я подумала, что природа и нашу землю одарила не менее щедро. Ведь на самом деле, растительно-цветочный мир наших земель тоже удивительно красив и разнообразен. Каких только цветов ни встретишь на наших полях... Огненно-рыжие головки купальниц-жарков в зелени придорожных полей, желтые капельки лютиков, нежно голубые колокольчики, розовые и белые шарики лугового клевера, красавицы лилии-саранки... а прелестные венерины башмачки, что во многих местах исчезли, а в наших лесах их можно встретить в больших скоплениях... Только надо научиться видеть эту

первозданную красоту, радоваться богатству ее природных оттенков, разнообразию мира ее дикорастущих трав и цветов. Я предложила всем остановиться и полюбоваться дикими цветочными дарами.

Я сорвала пару жарков, украсила их веточкой белого тысячелистника и вручила букетик Полинке. Мы двинулись дальше. Когда мы проезжали мимо небольшой деревушки, Полинка вдруг обратила внимание на лошадь, пасущуюся в поле.

— Мамочка, а той лошадке по росту сколько лет?

Дело в том, что девочка вот уже на протяжении года процесс своего роста контролировала почти ежедневно, отмечая изменения на ярком картонном ростомере и регулярно возмущалась, видя как медленно поднимаются вверх по сантиметровой линейке карандашные отметины. А некоторые числа на нем просто исчезли под грифельным слоем множества разноцветных горизонтальных черточек, топчущихся на одном месте. Таким образом, у ребенка сформировалось представление, будто определенному периоду жизни кого бы то ни было соответствует определенная черточка на ростомере. Даже... если речь шла о взрослой лошади. Тем не менее, оставить без ответа вопрос юного любознателя было нельзя. Как смогла, я объяснила дочери, что лошадь уже взрослая, и когда она прекратила расти, известно только ей самой, и может быть, ее хозяину. А определять возраст лошади по морде я и вовсе не умею, даже если бы эта морда стояла сейчас рядом, а не на расстоянии нескольких сотен метров.

Малышка помолчала, воткнула букетик в лапы лемурчику, взяла свою книжку со сказками и принялась листать ее. Но когда начался опасный участок дороги с крутым поворотом, отмеченный специальным боковым ограждением, она вдруг встрепенулась и несколько растерянно спросила:

— Мамочка, почему ты здесь едешь? Здесь же нельзя!

— Почему нельзя? — не поняла я.

— Там же знак был, что красным и черным машинам ехать нельзя! — возмутилась Полинка моей дорожной безграмотности.

Конечно, малышка, как представитель современного цивилизованного мира, имела уже некоторыми понятия о правилах дорожного движения и знала о существовании запрещающих знаков, отличительной особенностью которых как раз является круглая форма и красная каемочка. Столь вольная детская интерпретация знака "Обгон запрещен" вызвала у нас на лицах улыбки, но, тем не менее, серьезность ситуации требовала незамедлительно простого и вразумительного объяснения.

Удовлетворившись, наконец, моим старательно выстроенным ответом, дотошный турист снова принялся смотреть в окно под тихий шум двигателя. Мимо пробежали небольшие деревушки, одинокие деревянные постройки, поля, раскрашенные в цвета Иван-чая, тысячелистника, жарков, эспарцета...

Позади осталась уже немалая часть пути, а я все еще не включила аудиосистему. Ведь неожиданно проявленный интерес ребенка то к автомобильно-дорожным вопросам, то к проблемам лошадиного возраста требовал тишины в салоне.

Но вот, наконец, когда все сомнения и тревоги были рассеяны, Полинка, успевшая к тому времени в полной мере насладиться тишиной салона, вытащила из корзины бутерброд и произнесла:

— Мамочка, включи, пожалуйста, песню с дядями "О-О-О". Под этим кодовым названием подразумевалась известная музыкальная композиция не менее известной канадской рок-группы. Полинка вообще очень любила слушать музыку в салоне автомобиля и к пяти годам у нее, конечно же, сформировались определенные музыкальные предпочтения.

— Полинка, ты знаешь такие песни? — удивилась бабушка, услышав голоса зарубежных исполнителей.

— Это моя любимая! — важно ответила юная меломанка. Насладившись голосами полюбившихся музыкантов и энергичной мелодией, после чего съев бутерброд, яблоко, порционный бисквитик и запив все это бутилированной водой, малышка уснула.

Проснувшись через пару часов, незадолго до прибытия к пункту нашего назначения, Полинка посмотрела в окно на ставшее к тому времени пасмурным небо, падающие на лобовое окно редкие капли дождя и, потирая сонные глазки, вяло спросила:

— Мамочка, я что-то не пойму, еще завтра или еще сегодня?

Сориентировавшись во времени суток, убедившись в том, что Вовика еще нет в салоне, а значит главное событие дня — радостная встреча с братом и вручение ему рисунка — она не пропустила, Полинка посмотрела на стоящую рядом корзину, и, громко икнув, спросила:

— Можно я возьму еще один банан в кушанье?

С удовольствием искушав тропический плод, Полинка достала из конверта приготовленный в подарок брату рисунок кошки, еще раз критично на него посмотрела, после чего с полной уверенностью произнесла:

— Я думаю, что мой брат будет в большой улыбке, когда я подарю ему этот рисунок!

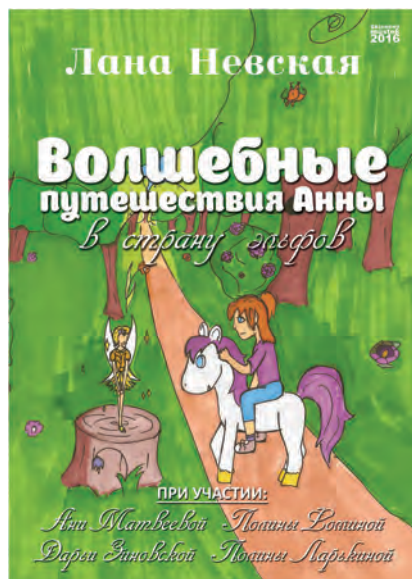
Лана Невская

«Волшебные путешествия Анны в страну эльфов»

По словам автора: *«Эта повесть-сказка, сюжет которой родился совершенно случайно, из обычного, ничем не выдающегося события — покупки симпатичной мягкой игрушки — лошадки Гермиды, и должен был стать основой небольшого рассказа. Но неожиданно рассказ получил продолжение, Его герои зажили своей, самостоятельной жизнью, с ними стали происходить различные приключения, и все это было совершенно независимо от меня».*

А еще книга необычна тем, что над иллюстрациями к ней работали сразу пять художников, четыре из которых — как раз те, для кого и создавалась эта повесть-сказка: благодарные юные читатели, художественные дарования которых вы сможете оценить.

ISBN 978-80-7534-101-3.

Напоминаем, что приобрести книги нашего издательства Вы можете:

• в нашем офисе: Skleněný můstek s.r.o., Horova 12, 219, Karlovy Vary

• в магазине «DINO»: I. P. Pavlova 36, Karlovy Vary

Заказать по почте: Vítězná 37/58, Karlovy Vary 360 01, Česká republika

Ольга Камарго

Ловец жемчуга

Жил-был Ловец жемчуга. Жил он на широкую ногу – его работа щедро оплачивалась. И лишь он один знал, что в свои сравнительно небольшие годы у него уже проблемы со здоровьем. Но это не было заметно.

Зато видно было, как он, великолепный пловец и ныряльщик, сумел сделать с десятилетнего возраста, из хобби профессию.

Тогда, в его детстве, хватало ныряльщиков. Они доставали не только жемчужины, но и устриц, угрей и других обитателей моря. И из них он очень быстро, ретиво взявшись за дело, стал первым. Ему не было равных ни по глубине погружения, ни по времени, которое он мог провести под водой. Весь в белом по древней традиции, он уходил в глубину моря искать и доставать раковины с моллюсками. И вот когда его уже отчаивались дожидаться, он резко выныривал, зажав в одной руке добычу. Он нырял, к тому же, чаще всех, и его прозвали Амфибия. Говорили, что он на дне морском ориентируется лучше, чем в собственном городе. Он всю жизнь был атеистом – не верил в плохую погоду и духов, которых человек будит, ныряя в царство Нептуна. Он и белой одеждой пользовался при погружении скорее уж по привычке, чем веря в то, что отпугнет акул. Ничто не могло сбить его с толку – или с глубины?

Время шло, в двери стучал прогресс. Люди научились жемчуг выращивать, столько доставать уже не нужно, профессия ныряльщика изживала себя, многие осваивали другие направления. Например, на плантациях того же жемчуга, бизнес, торговля – да мало ли? Да и тех, кто не состарился до времени, были единицы, новых было очень мало.

Только Амфибию все это не касалось. Под ложным насыщением рынка скрывалось то, что натуральный жемчуг стал гораздо реже, в разы дороже и желаннее. А он, лучший из ныряльщиков, как никто, ухитрялся в пучине, вотчине Нептуна, найти крупные самоцветы и достать их невредимыми. Юношеский азарт его давно прошел, и теперь он точно и быстро делал свое дело.

Но настал день, когда он решил, что следующая сотня жемчужин станет последней в его карьере и достатке. Большие деньги он уже давно заработал, это стало частью его обыденности, чем-то само собой разумеющимся. Период, когда он тратил все, что зарабатывал, остался позади. То, что можно купить, у него давно уже было. Деньги давно работали на него сами, и он мог не нырять всю оставшуюся жизнь.

Но в этом была вся его жизнь, во всяком случае, лучшая и большая ее часть. Нелегко давалось ему это решение. Он не знал, чем займется, но что-то подсказывало ему, что в праздности есть начало саморазрушения. Семья, дети? Не было у него таких желаний, только работа, хотя женским вниманием обделен не был. Лучше всего он чувствовал себя в одиночестве.

Итак, он шел за своей последней сотней, не зная, чем он будет заниматься потом. Он был еще молод и уже стар, и этот выбор он сделал сам когда-то осознанно и был ему верен. Он видел достаточно постаревших до времени ныряльщиков еще в детстве, чтоб понимать свою судьбу. И сейчас он ни о чем не жалел, ни в чем не раскаивался. Он наслаждался морем, царством Нептуна, понимая, что недолго этому осталось.

День шел за днем, жемчужины завершающей сотни копились быстро, одна крупнее другой, ему везло. И теперь он стоял посреди моря в лодке перед нелегким, почти между жизнью и смертью, выбором. Ему оставалась еще одна, последняя, сотня жемчужина. Но он понимал, что живым из глубин не вернется. Чем

ближе к концу, тем беспокойнее и коварнее становилось море. А последние несколько дней он попадал в шторм. Волны бросали день ото дня все сильнее и сильнее, а он вчера, ныряя на дно, поранился о какое-то животное до крови и чуть не задохнулся, выпрыгивая в волну.

С кровавой раной нырять в море – никакой белый цвет не спасет от акул. Да и дыхание с координацией подводят. Если он сейчас нырнет еще раз, то останется у Нептуна навсегда. Но и отказаться он не мог – слово, контракт обязывали принести последнюю жемчужину именно сегодня. Профессиональная честь, в конце концов.

Он сидел в лодке, впервые в жизни, наверное, не решаясь нырнуть в воду. В голове крутилась прожитая жизнь, будто перелистывались картинки перед его глазами. Веры в чудо у него не было, хотя по жизни ему везло. Он знал, что обходит все ловушки, но везение не может быть вечным... Если б он был верующим, он бы молился. Если б имел семью – боялся. Но не было ни того, ни другого, лишь знание того, что это погружение будет последним, и он перед лицом безысходности. Его ждала бездна.

Он сел на дно лодки, чтоб не кружилась голова, ровно дыша. Вышло из-за туч Солнце, и он грелся в его лучах. Подумалось, что он давно забыл о нем, ведь с десяти лет его жизнь была отдана морю. Он смотрел на землю, на берег – и ничего не мог вспомнить такого, что бы он ценил в жизни. Он смотрел на небо и воздух – и ничего не видел в нем, хотя птицы играли рядом с ним, кидаясь на рыбу с высоты.

И вдруг к его ногам упала рыба, сверкая золотой чешуей. И вот у нее была... жемчужина. Уж сколько он за всю свою жизнь доставал жемчужин, но такой красоты он никогда не видел. Чайки хорошо его знали, и не прыгали на его лодку. Ловец протянул руку к рыбе, и та выплюнула свою добычу. Что-то из детства шевельнулось в памяти Амфибии. Он слышал местные поверья, но про золотую рыбку там не было ни слова. Возможно, сказки... Но он рос сиротой, и читать ему их было некому.

А рыбка молвила человеческим голосом:

– Чего тебе надобно, старче? Отчего себе места не находишь?

– Что мне делать дальше? Ведь этим заниматься я уже не смогу.

– Да, ты все верно понимаешь. Скажи, а знаешь ли ты, что всего в паре километров от тебя есть лес и горы? Там только пресная вода в ручьях и Солнце прогревает землю, воду и воздух. Там есть все, что нужно для питания. В лесу много животных и дичи – все, что только может желать человек. Там великолепный воздух и прекрасно спится.

– Ты предлагаешь мне стать отшельником?

– Нет, ты и так всю жизнь отшельник. Я предлагаю тебе отдых. Ты знаешь, что человеку для хорошего самочувствия нужна сбалансированность? Ты всю жизнь внутри моря. Ты забыл о земле – только она сама и деревья дадут тебе устойчивость и спокойствие, это не заменишь материальным. Твой воздух пропитан морской солью, но есть другой, лесной, который даст расслабление человеческому уму. Ты с трудом помнишь о Солнце, которое, прогревая, дает жизнь, насыщает ею. Да и вода есть пресная, чистая. Она смывает и уносит то, что ты отпускаешь, и несет тебе новую информацию.

– Но ведь ты живешь в море всю жизнь?

– Я – рыба. А ты – человек, а не амфибия, как тебя кличут. И тебе нужна сбалансированность, прежде чем определяться, чем

заниматься. Как ты это поймешь, если ты не слышишь себя за шумом моря? И не знаешь другой жизни...

— Я выбрал такую жизнь.

— Так теперь выбери другую. В этой жизни ты достиг многого, на нескольких хватило бы. Не позволяй этому тебя удерживать от другой жизни, которая даст тебе восстановиться и опять выбрать,

но уже то, что подойдет тебе больше. Всему свое время.

И рыбка выпрыгнула в море, сверкнув на солнце чешуей.

— Спасибо тебе! — Успел крикнуть он ей. И увидел, как она махнула хвостом и ушла в синее море.

Спокойствие пришло в его душу. Он теперь знал, что делать дальше. И направил лодку к берегу.

Всю неделю просидела безвылазно с приболевшим внуком. Саша работал в деревенском доме, готовясь поставить на место наконец-то приехавшую крышу. А дни стояли ясные, теплые, со всех сторон везли грибы разных сортов, видов и размеров. Со следующей недели во всех прогнозах обещали затяжные дожди. Так и получалось, что надо ехать в субботу.

Созвонилась с подругой, также давно мечтавшей выбраться в лес, она взяла с собой дочь, отправились вчетвером в Илюшкино. Места там грибные, но и грибников в связи с субботой много, даже на грузовиках приезжают. Остановились в своем обычном месте, спустились к оврагу. Я брела себе потихоньку по дну оврага, попадались почему-то в основном волнушки, где-то рядом ходили Галя и Лена, Саша ушел в другую сторону. Места вдруг стали совсем незнакомые, откуда-то ручей появился, до которого я раньше не доходила. Выбралась из оврага, пошла к дороге. Иду по ней, а деревня все удаляется, никто на мои крики не отзывается, ухожу все дальше и дальше. Явно не та дорога! Где же ту искать? Вдалеке мелькнул полуразрушенный сарай, мимо которого мы проезжали. Направилась к нему напрямик, уже без всяких дорог, перелезаю овражки, продираюсь сквозь кусты. Машина проехала, значит, там должна быть дорога. Вышла на эту дорогу, пошла по направлению к деревне, хорошо, что там церковь видна издали. Увидела развилку, поворот в лес, вроде бы здесь мы ехали. Машины стоят, люди ходят, вот и наша белая «девятка» мелькнула. Ура!

Саша сначала обругал меня дурой, потом стал звать к остаткам моего разума. На резонный вопрос, где он видел умных дур, злобно ответил, что в Союзе писателей. Меня туда неосторожно приняли совсем недавно, подкалывания по этому поводу еще не прекратились. Телефон я, разумеется, оставила в машине, на все их звонки он отзывался веселыми трелями тут рядышком. Но Союз-то здесь не причем, и вообще у них лозунг: «Больше поэтов, хороших и разных!» Под определение «разных» я вполне подхожу. Больше я не отходила далеко от машины, в ближайших березняках грибов оказалось больше, чем в овраге, даже белые попадались.

На обратном пути решили заехать в Спасское, там должно быть

много рыжиков. Дорогу никто не помнит, вроде бы говорили, что надо ехать мимо кладбища. Поехали, но дорога почему-то быстро кончилась, дальше вела только тракторная колея, а потом оборвалась и она. Хвойный лес виднелся за большим оврагом, как к нему подъехать непонятно. Галя хотела рыжиков, Лена кукурузы, мне приглянулось спокойное сельское кладбище. До рыжиков мы не доехали, на кукурузном поле Саша останавливаться не стал, а на кладбище мне сказали не фига делать, пока с долгами не рассчитаюсь. Еще не хватало на Павлика свои долги повесить!

Выбрались на шоссе, стали искать другой съезд. А тут машина совсем оскорбилась, немного почихала и перестала заводиться: «Ходите пешком, придурки!» Решили с горя пообедать прямо в машине. Она остыла, успокоилась и завелась. Нашли съезд, добрались до сосен, где были раньше рыжики, только сейчас их почти не было. Набрали маслят и поехали домой. Машина чихала, тряслась, Саша постоянно нажимал на педаль газа, ехали, как на велосипеде, но до «Большевика» все-таки доползли. Высадили Лену и Галю, умудрились развернуться, но дальше машина отказалась ехать наотрез. Саша стал ковыряться в моторе, но быстро темнело, уже ничего не видно. Я позвонила старшему сыну Алеше, но он, как все нормальные люди, в субботу вечером сидит за столом, а не мотается неизвестно где. Подъехать к нам он уже не может.

Вышла в магазин за хлебом Лена, удивилась, что мы все еще здесь, позвала на помощь соседа, тоже из-за стола, как нормального человека. С мотором и он ничего не смог сделать, но вместе со своими друзьями помог закатить машину в свой двор. Мы поехали домой на автобусе. С утра пораньше я снова начала вызывать Алешу, поехали с ним вызволять свою машину. Тащили ее на буксире через весь город. Алешина машина, если и ругалась, то наверняка по-японски, никто не понимал и считали, что все хорошо. С большим трудом затолкали машину Саши в гараж, вернулись домой, и принялись за обработку грибов. Чистили их, замачивали те, что для солки, подсушивали в духовке, отваривали, пережаривали. На это ушел весь оставшийся день и часть следующего. А обещанные дожди так и не начались. Надо быстрее отремонтировать машину и собираться снова в лес.

Алексей Хазанский

«Фантомы любви»

Стихам Алексея Хазанского присуща та особая, незаметная на первый взгляд мелодичность, свойственная произведениям классиков русской поэзии XX в. - Арсения Тарковского, Николая Заболоцкого (особенно заметная в его поздних работах). Мелодичность, которая незаметно, но властно подчиняет себе ум и чувства читателя, вдруг превращая чтение - в исполнение, строфы - в куплеты романсов, звучащие в сознании ясно и отчетливо. Кажется, только сядь за фортепьяно - и руки сами найдут верные ноты, и слова вырвутся на свободу из двумерности бумаги, обретая свое законное место в ткани мироздания.

ISBN 978-80-7534-132-7.

Петр Цыплаков

Причастие

Всевышний сонмами светил,
Как войском, дух мой окружил,
Пылинкой малой бытия
Себя увидел тотчас я.

Но даже в этот мой удел
Летели тучи Божьих стрел.
«Виновен!» — слово расцвело,
Вдруг понял: я одет во зло.

О, как мой дух забился в клетки,
Всех пленных птиц несчастней в свете!
«Спаси, мой Отче!» — я вскричал,
И Он меня к Себе забрал.

Там, где и Свет, и Смысл иной,
Обрел я негу и покой,
Я в Боге был, и Бог — во мне,
Мы были слиты в тишине.

Я думал: вечно так бы жить,
Восторг единства длить и длить...
Но снова был я погружен
В земную жизнь — вседневный сон.

Как тот, кто лучшее постиг,
Лицом печальным я поник...
Когда ж я вновь воззвал к Отцу,
Он обратил мой взор к Венцу

Из душ, чей Свет был свеж и чист
И девственен, как первый лист,
Их Гимн Любви — моим он стал,
Я в унисон затрепетал.

То был нежнейший перезвон
Хрустальных душ, и в каждой — Он!
Его святой пресветлый Лик —
Во всех, кто Свет Его постиг!

Апрель 1998

ПЕТР ЦЫПЛАКОВ

Жертвенность как основополагающий принцип бытия

1. Определение и предназначение жертвы

Прежде всего: что это такое вообще — «принесение в жертву»? Интуитивно представляется, что «принесение в жертву» — это либо вывод части некоторого целого из состава этого целого, либо уничтожение этой части. Делается это либо ради сохранения этого целого, как правило — в критической ситуации, либо для некоторого, удобного «приносящему в жертву», изменения этого целого. Все это является благом с точки зрения верующего, только когда направляется Богом. Ибо только Отец Небесный может направлять ко спасению, ко благу как остающееся после принесения жертвы, так и саму пожертвованную часть целого, если она не уничтожается, а только выводится из состава целого...

2. Жертва Отца Небесного

Весь мир является прорастанием в разных средах Творческого Замысла Отца. Однако Бог бесконечен, а мир конечен, и мы сами — существа ограниченные. Поэтому это вот бесконечное сужение Своего присутствия ради нас и нашего мира, это вот снисхождение к нам в любви — есть, без сомнения, самая главная, основополагающая жертва, жертва Самого Отца Небесного.

3. Варианты восприятия жертвы Отца

Снисхождение к нам Отца Небесного, Его заботу о нас можно воспринимать по-разному. Основных вариантов восприятия этой жертвы и ответа на нее три:

— Детски-доверчивое восприятие. Это «восприятие роста, становления». Каждый дух есть зеркало, потенциально способное отображать в своей бездонной глубине сколь угодно близкие к «оригиналу» формы выражения, воплощения Замысла Отца Небесного о нас и о всем Творении. Ибо это зеркало укоренено в самом Отце. При усовершенствовании форм выражения Замысла Отца, их приближении к Замыслу утончаются, усовершенствуются и

способности восприятия духов, помещаемых в более совершенные, близкие к Отцу миры. Каждое такое «усовершенствование восприятия» есть становление очередного, более тонкого, более совершенного уровня духовного восприятия на пути восхождения к Отцу. Важно в момент этого становления доверяться Любви Отца, без сожаления отказываться от прежних, более грубых форм восприятия Его Замысла ради становления, рождения новых. Очень хорошо в этот период учиться у Отца Любви, учиться не только воспринимать Его Любовь, но и передавать дальше.

— Эгоистическое восприятие. Во время прохождения «детского периода» каждый дух оказывается перед соблазном всю заботу, всю полноту даруемой Богом любви перетягивать на себя, захватывать, сообразуя ее использование только со своим представлением, что для него самого хорошо, а что плохо, что для него добро, а что зло. Этот вот состояние самостийного определения, назначения чего-то добром, а чего-то злом, самостийное распоряжение любовью и заботой Отца и есть то самое запрещенное «вкушение от древа познания добра и зла», о котором мы читаем в первых главах Библии.

— Ответная жертвенность ради единения с Отцом и Его Замыслом. Это такое состояние, когда дух проникается пониманием того, что все творимое и поддерживаемое Отцом есть процесс раскрытия Его Самого в Любви. Поэтому лучшим ответом Богу на Его жертву, с точки зрения проникшегося этой истиной духа, является реальный отказ от всего, мешающего раскрытию Замысла Отца об этом конкретном духе. Это и есть угодная Богу «ответная жертвенность». Восточные мудрецы, суфии так характеризовали это состояние: «Не надо нам ни этого мира, ни будущего, но только Единение с Возлюбленным». Подробному описанию этого состояния посвящена книга «Песнь Песней», входящая в Библию.

4. Жертва Сына

«Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил» (Иоан. 1, 18) «...В книге жизни у Агнца, закланного от создания мира» (Откр. 13, 8)

Бог бесконечен, творение конечно. Никто, облеченный в конечную форму, не может видеть бесконечного Бога. Духи, хотя и коренятся в бесконечном Боге, всегда будут иметь конечное одеяние, более или менее утонченное. Приближение духа к Богу всегда сопровождается «утончением одеяния». Чреда состояний облаченности во все более утонченные одеяния составляет Путь приближения ко Всевышнему, ясно указывающий на бесконечность Бога. Однако этот путь не имеет фиксированной конечной цели, ибо Бог недостижим. Однако достижимы состояния все большего приближения к Нему. Смена облаченности с более грубой на более тонкую есть ЖЕРТВА ПРИБЛИЖЕНИЯ, угодная Богу. Чреда таких переходов есть подлинный Путь и Жизнь. Силу для таких переходов, «преображений одеяния» дают как Любовь к Отцу Небесному, так и укорененность высшими частями духа в Нем.

Единый Бог, чтобы раскрыться и раскрываться во множестве, породил Сына — живой самодействующий Замысел о мире, населенном созданными по Божьему образу и подобию духами, облачаемыми в конечные одеяния, но укорененными в Бесконечном... Этот Сын, будучи порожден Бесконечным, был затем «заклан», облачен в конечные формы творения, ограничен, для того, чтобы великое множество духов могло вместе с ним и под его руководством идти по пути приближения к Богу. Так он стал «Агнцем, закланным от создания мира». Наиболее полно на Земле роль Сына, как «Агнца закланного» проявилась в жизни, смерти и воскресении Иисуса Христа.

5. Жертва и воскресение Иисуса Христа как начало бесконечного раскрытия Замысла Всевышнего о Земле и ее обитателях

Читаем у апостола Павла:

===== Рим. 8, 19-21 =====

19 Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божи-
их,

20 потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде,

21 что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих.

=====

Также читаем

===== Кол. 1, 18-20 =====

18 И Он есть глава тела Церкви; Он — начаток, первенец из мертвых, дабы иметь Ему во всем первенство,

19 ибо благоугодно было Отцу, чтобы в Нем обитала всякая полнота,

20 и чтобы посредством Его примирить с Собою все, умиротворив через Него, Кровию креста Его, и земное и небесное.

=====

В этих двух цитатах приведено ясное свидетельство того, что смерть Иисуса Христа на кресте — это такой «дорожный знак разворота назад», знак, учрежденный для живущих, чтобы они, взирая на этот знак, переставали бы удаляться от Бога и начинали бы возвращаться к Нему. Удаление было связано с увеличением конкурирующих форм разнообразия земной жизни. Небесный Сын Божий (Слово, Логос), в котором заключается Замысел Божий о творении, соединился с духом Иисуса в момент крещения Иисуса в Иордане и направил жизнь Иисуса так, что момент распятия Иисуса на кресте воистину стал тем самым «разворотным знаком». То есть это не просто казнь, а казнь, имеющая силу «обращать вспять» центробежные тенденции в бытии обитателей Земли, точнее — указывать на важность и необходимость разворота. Центробежные тенденции ведут к чрезвычайной индивидуализации, спорам, войнам... Казнь Иисуса все, попавшее под власть тенденций удаления от Всевышнего, освобождает от этой власти, и направляет в сторону Всевышнего, причем так, что простого взирания на Единство Божие после разворота бывает достаточно для преодоления любых противоречий, ибо все многообразие всех земных форм после всеобщего разворота ко Всевышнему будет служить только одной цели — раскрытию Замысла Всевышнего о Творении. Однако есть важный момент: столь нужный разворот к Богу происходит только тогда, когда верою принимают эту вот знаковую, поворотную роль жертвы Иисуса...

ДАЛЕКО

Далеко, где сливается небо с землёй,
Где проходит таинственный горизонт,
Там целуются звёзды с ленивой волной,
И зевает луна, отбивая поклон.

Далеко, там, где прошлого не различить,
Правда с вымыслом мирно и дружно живут,
Там истрёпанной памяти тонкая нить
Посильнее всех мыслимых нынешних пут.

Далеко, где не видно ни лиц, ни людей,
И где время давно прекратило свой бег,
Там скитаются тени забытых страстей,
И фантомы надежд коротают свой век.

Но однажды сквозь плотность синеющих туч,
Как от старых друзей долгожданная весть
Вдруг пробьётся отчаянно-радостный луч,
Освещая что было, что будет, что есть.

Захлестнуло меня, затопило
Это чувство, забытое вроде,
Моей жизни с лихвой пригубило
И легло верным псом на пороге.

А у нас не сложилось. Как странно!
И любили, казалось бы, оба,
И так дружно мечтали о главном!
А поди ж ты - не вышло "до гроба".

И с тех пор не спеша, по-маленьку
Жизнь проходит, скупясь на удачу.
И всё круче да круче ступеньки,
И всё мельче да мельче задачи.

Вот и в прошлое больше не тянет,
И подушка не мокнет слезами,
Но нет-нет от порога да глянет
Моё счастье больными глазами.

АЛЕКСЕЙ ХАЗАНСКИЙ

Невинность

Невинность поцелуя на щеке:
Решительность — на грани отречения.
Борьба с собой и взрыв к Нему влечения,
Согласие — в протянутой руке.

Невинность танца — миг «глаза в глаза»,
Касанием податливого тела
И шепотом ответных слов несмелых.
В ней — радости нечаянной слеза.

Невинность душ, не знающих греха,
В объятьях нежных, словно в паутине,
Рисует грёз ожившие картины
И к возраженью разума глуха...

В стихах

В стихах Её печаль
Былых прикосновений
И память о надеждах и мечтах.

На Будущем печать
Несбывшихся мгновений
И чувств усталых россыпи... в стихах...

Я часто думаю о нас

Я часто думаю о Нас...
Мы были Истиной друг другу,
Но...обречённо шли по кругу —
Никто другого в нём не спас...

От вместе пройденных дорог
Осталась горечь ожиданий,
Любви разрушенной стенанья
И лет потерянных ожог...

Безнадёжность

Безнадёжность. Нам утро уже не исправить.
Голос в трубке с надеждой на чудо прощенья —
Запоздалая нежность ушедших мгновений
И слова о любви в извинений оправе.

Солнце греет весенне, смеясь над морозом,
Блики скачут по крышам авто на дорогах.
А в душе только холод возникшей тревоги
И осколки — Тобою разбитые грёзы...

Актёр

Пустые взгляды, холод слов -
Тревога ныне правит бал.
Судьбы негаданный надлом,
Любовной повести финал.

Акт первый: боль в Её глазах,
Обида преданной души.
Слеза отчаянья и страх,
Что приговор любви вершит.

Дорога в Бездну — акт второй.
В ней тени душ живут ничьих...
Искусно сыгранная роль
Во власти демонов своих...

Память

Я открою Тебе свою тайну —
Ту, что прячу в душе глубоко:
Я тебя вспоминать не устану,
Пусть сегодня Ты так далеко...

Расставанья, разлук эпизоды —
Всё смешалось однажды в Судьбе.
Но не властны над памятью годы —
Буду помнить всегда о Тебе...

Мечта Поэта

Лишь потому поэты пишут строки,
В стихах сгорая от земных страстей,
Что в бременной жизни часто одиноки,
Обманутые светом миражей...

Святой мечтой они живут на свете,
Что в параллельных, призрачных мирах
Их ждёт Душа, что верит в радость встречи,
Являясь к ним под утро в звёздных снах...

Расставанье

Расставанье — всегда для Двоих потрясенье Души.
Для кого-то любовь в одиночестве — горечь и мука.
Он разрушить безумно последние замки спешит —
Приговором Любви выступает такая разлука.

Для кого-то изгнание — попытка себя обрести,
И другого понять, пусть ценою мученья и боли.
В покаянье Любви Он готов тяжкий крест свой нести —
Счастье в чьих-то глазах — вот Его искупленье и доля...

Снег лежит на дворе

Снег лежит на дворе, солнце спряталось в зеркале окон.
Смуты тяжесть в душе. И усталость вчерашних побед.
Позабыто тепло, и кричит между строк одинокость.
В них привычной слезою от Прошлого призрачный след.

Что излечит? Смиренье? А, может, любовная искра?
Или звуки молитвы — открытый для путника Храм?
Перекрёсток дарует надежду как стартовый выстрел,
Но контузит надолго, печаль придавая строкам...

Дорога

Не жду я больше радость от дорог —
Ушли как сон надежды и желанья.
Давно жестокие законы мирозданья
Путь наполняют горечью тревог.

Все было в жизни суетной моей:
Паденья, взлеты, ожиданий годы.
В них одиночества постылая свобода
Страстями только жалила больней.

Стал неподъёмен груз моих грехов.
В душе истерзанной сдвинули одни ожоги.
Спасенье не искал в пути у Бога,
Друзей теряя чаще, чем врагов.

Мне не дано предугадать свой срок —
Я чувствую дыхание финала.
Всё реже хочется мне начинать сначала,
Не веря больше в радость от дорог...

Частные уроки

1.

Мне говорят: «Возьми и рассмеши».
Что хочет женщина — прими как данность:
«Весёлый миг стихами опиши,
Прервав погоды сумрачную странность».

Я отвечаю: «Я всегда готов!
Улыбки ради, да на женских лицах,
Я «выпрыгну в угаре из штанов»,
Чтоб дать возможность вам повеселиться».

2.

...Урок. Прошло всего лишь полчаса,
А на лице застыла грусть и мука.
За дверью чьи-то слышно голоса.
А здесь, напротив, таинство науки.

Учитель — молода... Огонь в глазах,
Чуть нервность рук и голос очень строгий.
Планшет и ручка — на своих местах.
Желание добра. И долг — немного.

И ученик... Чуть за полста ему.
Ещё блестит — в отдельных компонентах.
Прическа не скрывает седину,
А взгляд — готовности к экспериментам.

Тетрадка ждёт заданий на столе.
И поза — словно снова в первом классе.
Как будто не было безумных лет,
А опыт прошлый больше не опасен.

Что в том такого странного — скажи?
И почему их двое в кубатуре?
Какие дней летящих виражи
Сплелись на миг в учебной процедуре?

ОН шепчет что-то, с краской на щеках.
И страх ошибки в суетных ответах.
ОНА с улыбкой робкой на устах
Ему внимает, но... витает где-то.

3.

...Занятий час растаял без следа.
В душе ЕГО усталость и сомненья:
«Зачем я здесь? К кому пришёл сюда?
К чему пустое, к знанием, влеченье?»

Внимание «на нуле», но взор к НЕМУ —
ОНА измотана его причудой:
«Что жаждет Он, никак я не пойму?
Я выдержу: пусть не хочу, но буду!»

«Какой в таком ученье будет прок?» —
ОН сам давно почувствовал подмену-
«Иллюзии всё это — не урок.
Попытка разыграть чужую сцену.

Послушай, Сердце, может быть, свою?
Вот я, а вот ОНА, как дар случайный.
Я лучше Ей про душу пропою
И расскажу в стихах о счастье тайном.

Сначала томный взгляд «глаза в глаза».
С касанием — доверия предтечей.
Немного грусти, чтобы рассказать,
Как я мечтал давно об этой встрече».

В нём снова «бил копытами» игрок
И распускал по комнате флюиды.
Душа её раскрылась как цветок.
А в сердце — на него проснулись виды...

4.

Планшет забыт, давно отправлен в «сон» —
Рука её в его ладонях влажных.
ОН снова «на коне», почти влюблён,
Готов к любви. А прочее — не важно!

Что ж, полчаса последние долой,
И тишина как тайна за дверями.
Не стоит называть урок «судьбой» —
На прочность судьбы время проверяет.

Случилось, что один простой урок
Стал поводом для философской мысли:
«Коль навык для любовных дел сберёг,
Не лезь в наук заоблачные выси»...

5.

Мне говорят: «Возьми и рассмешь».
А я опять вам про Весны томленье.
Она всегда от грусти защитит,
Даря Любви прекрасные мгновенья...

Скала вертикально уходила ввысь. Сплошная ровная стена. Без единой, на первый взгляд, выемки или зазубрины, за которую можно было бы зацепиться. Но это только на первый взгляд.

Я вздохнул и медленно начал подъем вверх. Прижавшись телом к стене: правая рука, правая нога, левая рука, левая нога. Как ящерица. Важно было не оставить никаких следов, никаких альпинистских «костылей», лезть абсолютно бесшумно. Я старался, в буквальном смысле, приклеиться, чтобы хоть морально снять нагрузку с пальцев. Это была просто усталость. Третьи сутки непрерывного скалолазания давали о себе знать, хотя тело работало, как хорошо слаженный механизм. Разум не принимал участия в восхождении. Первое, чему учили на тренировках, и чему учил я сам, это отключить разум. Он только мешает. Тело само знает, как надо двигаться. Лево, лево, право, право... Триста метров. Порог. Еще две таких же ступени.

Я сел, постепенно приходя в сознание. Сознание вернулось вместе с воспоминаниями.

Несколько последних лет я работал инструктором по восхождению в месте, где встречаются три страны: Китай, Индия и Пакистан. В принципе, я «осел» в Шарголе, недалеко от Каргила, в Индии. Но мотаться мне приходилось по всем трем странам.

Меня интересовала предполагаемая родина ариев, я часто засиживался в библиотеках, встречался с интересными людьми, интересовался не только классическими науками, но и, конечно, оккультными. И тренировал тело. Практически все свободное время находился в зале. Толчком к интересу послужила встреча в одном из рижских кафе с человеком, историком, искренне верующим в существование ариев. К моменту нашей встречи он уже совершил несколько экспедиций в Индию, Непал и Китай. Его рассказы были удивительно красочными, создавалось впечатление полного при-

сутствия там, на горе Кайлас, в прекрасных долинах, на перевалах. Мы стали встречаться часто. Он готовился к новой экспедиции в Пакистан. По его мнению, именно там находится родина ариев, потомки, которых до сих пор живут в штате Кашмир. С его слов создавалось удивительное впечатление, что мифические истории на самом деле, ни какие не мифические. Что история на самом деле более древняя наука, чем кажется на первый взгляд. Например, арии охотно выдавали своих дочерей замуж за скифских князей, которые по периметру охраняли государство от нападения извне. Что до сих пор сохранились сторожевые башни крепостей, в которых жили эти князья, от Маньчжурии до Кавказских гор. Естественно, мечтой этого исследователя было не столько найти потомков этой расы, в некотором роде, мы все, по его словам, несем в себе их гены. Нет, он хотел найти таинственную пещеру, в которой были скрыты знания древних ариев. Он хотел первым прикоснуться к этим знаниям, какими бы они не были. Наши встречи были довольно регулярными. Он собирал довольно много слушателей. Это были такие же интересующиеся, как и я, и студенты, которым он преподавал историю. В последнее время появились даже то ли местные кришнаиты, то ли буддисты, которые записывали его слова как откровение. Они приходили в каких-то восточных одеяниях, в круглых шапочках. Пили неизменно имбирный чай. Это становилось похоже на общественные лекции. Все места в кафе по четвергам были заняты.

Неожиданно, мой друг пропал. Я еще некоторое время ходил в кафе, которое считал уже нашим, в надежде встретить его. Застал там пару студентов, которые сказали, что он срочно уехал в экспедицию. Прошло достаточно много времени, и наш кружок распался. Каждый занялся своими делами, буддисты переключились полностью на цигун, а я занялся полностью собой. У меня в голове

уже была четкая программа, когда и куда ехать. Приблизительно через год, когда я почти закрыл все дела, я неожиданно столкнулся с историком на улице. Вернее его подобием. На лице остались одни глаза, лицо высохло. Увидев меня, он попытался скрыться, но поняв, что поздно, неожиданно жестко сказал: «Забудь все, что я говорил!», развернулся и ушел. В четверг, я заглянул в кафе. Бармен кивнул мне, сказал, что историка здесь не было. Я забежал туда еще несколько раз. Станным образом, у меня не было никаких координат этого человека. Даже номера телефона. Кроме имени, Всеволод, я, как оказалось, ничего о нем не знал. Даже названия института, в котором он преподавал, я не знал. Ни, тем более, кафедр. Немного позднее я повстречал одного из его студентов. От него я и узнал, что мой друг и учитель умер. Похоронен он был на Ивановском кладбище, где довольно трудно в наше время выбить место для могилы, и где практически никого не хоронят в наше время. Я нашел его могилу перед отъездом. Она была ухожена, но пуста. Никаких цветов, горящих свечей. Поймал себя на мысли, что так ярко проживший жизнь человек покоится в такой простенькой могилке. Я даже дал себе слово, что когда вернусь из экспедиции, так я охарактеризовал свою поездку, то обязательно поставлю какой-нибудь яркий памятник этому человеку. Уходя с кладбища, я зашел в церковь и заказал молебен за упокой его души. Не смотря на все его духовные и исторические метания, я был уверен, что Всеволод был православным.

Вот, с таким непонятным для меня душевным состоянием, я и поехал в Китай. В принципе, я хотел сразу очутиться в Пакистане, но визу в Пакистан получить, на мой взгляд, было трудно. Да и я не пытался. Тем более, что Китайское посольство располагалось неподалеку.

В Китае за мной как-то незаметно приставили соглядатая-сопровожающего. Дело в том, что для них я сразу показался подозрительным. Туристом, который не остался в Пекине, не бродил по Великой Стене, не мотнулся на юг или даже вглубь страны, к теракотовым воинам. В Тибет же ехать было нельзя из-за волнений в этом районе. Китай запретил посещение этого района туристам и паломникам. Поэтому я держал путь в Уйгурскую провинцию, город Кашгар. Когда я захотел взять машину напрокат, то мне ее практически навязали вместе с водителем. Я заполнил большую анкету с описанием цели своего путешествия, об отношении к наркотикам (это в прокате-то), и кучу другой информации. Надо сказать, что и в Уйгурской провинции некоторые области закрыты для туристов. Здесь довольно часто происходят стычки с властями. Живут там мусульмане и буддисты. Место на самом деле интересное: прекрасные мечети, мавзолеи и пещерные буддистские храмы. Сам город, который находится на Великом Шелковом пути, очень древний. Но особенно здесь красива сама природа. В первую очередь, знаменитая Арка Шипмана. Это гигантская природная арка, которую назвали в честь альпиниста-первооткрывателя Эрика Шипмана.

Добраться туда простому туристу не просто, но и не так сложно, как это было в начале. Туда проложены ступеньки, в некоторых местах лестницы. Ничего запретельного нет. Зато вид, который открывается на долину, превосходный! Туда, для начала, я и держал путь. Мой водитель следовал за мной по пятам со скучающим видом, а я тем временем не уставал фотографировать направо и налево. На дороге то и дело попадались летучие блокпосты, проводившие досмотр машин и людей на наркотики. Сравнительная близость Таджикской границы вынуждала местные органы постоянно устраивать проверки. Но присутствие моего водителя магическим образом позволяло избегать таких остановок.

Я внимательно осмотрел долину. В другое время, этот вид заставил бы меня замереть от восторга. Но сейчас, я только старался уловить малейший шум или движение. Ничего. Я задрал голову, до следующей ступени еще около трехсот метров. Силой воли я сосредоточился на подъеме и опять превратился в робота. Лево, лево, право, право...

Когда срок действия китайской визы стал подходить к концу, мой сопровождающий стал напряжен. Ведь на возвращение стандартным способом мне уже не хватало времени. Он периодически куда-то отлучался, видимо для консультаций или за помощью. А у меня уже давно был готов план, как незаметно уйти от попутчика и перейти границу, до которой еще было добрых пятьсот километров. Надо сказать, план был очень самонадеянный. Система ох-

раны границ в Китае работает четко, а спецagентами кишит весь приграничный регион. Но, что делать, если бы я изначально мог здраво размышлять, то вообще не сорвался бы в такую поездку. Надо еще добавить, что знание китайского у меня ограничивалось «Здравствуй» и «Спасибо», которые я вставлял в свою жестикуюляцию при любом случае. И вот, я показал «шоферу» купленный билет на самолет до Пекина. Попросил извинения, что обратно никак не могу поехать вместе с ним, и заодно попросил подбросить меня в аэропорт. Китаец вновь расслабился, выходящий за привычные рамки сценарий вернулся в свое русло. Расслабился настолько, что просто высадил меня, проследил, что я зашел в здание аэропорта, и уехал, будучи уверенным, что меня там «примут» его коллеги. Это было везение. Вторым везением было то, что именно в это время прибыла группа иностранных туристов, которых у входа ждал автобус. Мне удалось незаметно слиться с этой толпой, и я уже ехал вместе со всеми в направлении города. В городе я пересел на попутку и поехал в сторону Арки. Это километров восемьдесят. И вот здесь, по моему плану, мой след должен был оборваться. Надо сказать, я был хорошо экипирован, и был готов к походу. Мне предстояло преодолеть километры горной местности в условиях холода и бесконечного ветра. Такого опыта у меня не было, зато у меня был костюм с электроподогревом, палатка, запас сушеной еды, которой должно было хватить на месяц. Мой рюкзак тянул килограмм на сорок-пятьдесят. Не мало, но зато было все необходимое. Единственное, что я не смог взять ледоруб и кошки. Ледоруб мне удалось купить уже в Кашгаре, но кошки приобрести не удалось. И я пошел.

Первые несколько суток я двигался достаточно быстро. В сравнительном удалении от Каракорумского шоссе, параллельно таджикской границе, чтобы не нарваться на патруль пограничников. По дороге мне никто не повстречался. Огонь я не разводил, ночевал в спальном мешке, не разбивая палатку. Через десять дней, мне надо было забирать вправо, в сторону гор. Я пересек ночью автодорогу и уже через день начал восхождение. Почти сразу начались трудности. Первая трудность, с которой я столкнулся, это был все-таки лед, когда я вышел на высоту. Он был непредсказуемо рыхлым, иногда, напротив, твердым и скользким. Все это дополнялось неожиданными бесконечными трещинами. За час мне удалось пройти около километра, но сил уже не оставалось. Невольно вспоминались имена альпинистов — первопроходцев. Особенно тех, кто погиб. Ботинки без кошек постоянно скользили. Воздуха не хватало, хотя высота еще была не критичной. Кислородное голодание выливалось в причудливые галлюцинации. Приходилось напрягать всю силу воли, чтобы держать разум в руках. Это сильно изматывало. Холодно не было. Было жарко. Очень жарко. Я боялся холода. В Риге я накидывал на себя мокрую простыню, выходил на холод и сушил ее теплом своего тела. Через год тренировок мне удавалось это делать даже при тридцатиградусном морозе. Холод, это то, чего я боялся больше всего. И теперь, изнывая от жары, усталости и видя перед собой двигающиеся горы, я пытался выйти на долину, где высота была не столь экстремальной для меня. Я никогда не поднимался выше двух тысяч, здесь я впервые ощутил пять. Впереди был перевал чуть больше шести. Затем спуск в ущелье. Дул сильный ветер. Однажды, даже сбил с ног. Гималаи. Я не был фанатом скалолазания и альпинизма. Но посещал в процессе подготовки школу альпинизма при Техническом Университете в Латвии. Технически, все было довольно просто и интересно. Многие, кто занимался вместе со мной, ходили в походы, даже сюда, в Китай. Но как же это трудно на самом деле! Конечно, мой маршрут не подразумевал восхождение на пики. Я старался проходить по склонам. От этого особо легче не становилось. Левее открылся Дапсанг — восьмимысячник. Увидев его, я даже замер от восторга. Я не особо ориентировался в названиях пиков и ледников на тот момент. Но этот пик я узнал по характерной пирамидальной форме. В горах особо холодно не было. Наверное, я оказался в удачное время. Но ветер дул постоянно. И казалось. Что дует одновременно со всех сторон. Почти всю вторую половину дня приходилось тратить на поиски безветренного места, чтобы палатку не унесло ветром. Усталость брала свое, но сон был беспокойный. Не покидало ощущение, что вокруг палатки кто-то все время бродит. Я старался объяснить это себе галлюцинациями и видениями, которыми сопровождалось мое путешествие. Если стал виден пик К2, значит, я уже находился в китайской зоне Кашмира. Я полностью погрузился в Гималаи. Высота маршрута была чуть выше шести тысяч. Не раз ловил себя на мысли, что тихо схожу с ума. Разговаривал сам с собой, слышал иногда сторонние ответы. Боковым зрением видел ка-

кое-то движение. Через несколько дней мне уже было наплевать, если я встречу индийских, пакистанских или китайских пограничников – егерей. А встретить мог любых. Холода я не чувствовал, но руки и ноги ощущал. Однажды, я почти нос к носу столкнулся с ирбисом. Он окинул меня взглядом, каким смотрят умные кошки на своих хозяев, и побрел по своим важным делам. А мне уже было все равно. Полная апатия.

Через пару или несколько дней я увидел людей. Они шли куда-то с корзинами и что-то собирали. Я взял в сторону, чтобы не попадаться им на глаза. Судя по внешнему виду, это были крестьяне. Но появляться на их глаза было еще рано. Скорее всего, это была спорная зона между Индией и Пакистаном. Китайская уже была позади. Я же держал путь в Сринагар. Однако, сил уже не было, еды тоже. Да и разговоры с самим собой накладывали отпечаток. Наверное, самая правильная мысль, которая появилась за последнее время, это то, что к людям все-таки пора выходить. Судя по навигации, я находился в Балтистане – части Кашмира. Зона подконтрольная Пакистану. Здесь живет народность балти. Древний народ, тибетцы, которые исповедуют ислам. Я усмехнулся, латыши были бы рады дополнить древность своего происхождения от местной ветви ариев. Начался спуск и открылся прекрасный вид на долину. Горы вдали поражали своей разноцветностью, с синеватым и бирюзовым оттенками, словно на полотнах Рериха. Ведь какую-то из этих гор, он и рисовал. Сознание стало постепенно возвращаться, но усталость валила с ног. Досюда дошел Александр Македонский со своим войском. Последнее, на что я обратил внимание – это мысль о величии Александра, которая превратилась в рамку и улетела, уменьшаясь в размерах за горизонт. Осталась чернота.

Остался последний участок стены. Подул сильный ветер. Ступень, на которой я сидел, занимала всего метр. Но и это было большой роскошью. Я поднялся и вновь прижался к скале. Оглядевшись напоследок, я вновь начал восхождение. Вновь отогнал все мысли и сосредоточился на подъеме. Это на первый взгляд стена была гладкой, на самом деле у нее был свой неповторимый узор. Как отпечатки пальцев. Бугорки, ямки, куда можно поставить ногу, трещины. Лево, лево, право. Право...

В итоге, я поднялся вверх почти на километр. За несколько лет жизни в Гималаях я перестал реагировать на высоту. Разве что, на восьмидесятичных начинала кружиться голова, но я научился и с этим бороться. После перехода перевала, когда я шел из Китая, меня подобрала местная семья. На полную реабилитацию у меня ушло почти полгода. Благо, не было никаких обморожений. Но без дела я не сидел. Я усиленно изучал местный дардский язык. Помогал, а потом уже самостоятельно собирал хворост и дрова с низин. Перестроил дом и хлев так, как это делалось в Латгалии, в Латвии. И тренировался. Овладевал навыками передвижения в горах. Во время переходов пару раз, я снова встретил ирбиса. Может быть, того же самого. В обоих случаях он презрительно фыркнул и уходил. Местные жители почитали его и боялись.

Горы приобрели для меня знакомый рисунок. Несколько раз сходили лавины неподалеку. Тренируясь, я обнаружил родник с небольшим озерцем в леднике. Не знаю, по какому наитию, я начал в нем купаться. Вернее, вскакивать и выскакивать из него. Местные говорили, что этот родник облюбовал один из многочисленных горных духов. Я начал тогда спрашивать разрешения у духа перед каждым купанием. Я к духам относился с почтением. Это они незримо сопровождали меня через перевал, это их движения улавливало мое боковое зрение. Духи не питали никакой неприязни к людям, но жалости также не испытывали. И жестко наказывали за нарушение их принципов и правил. Они сбрасывали непочтительных альпинистов резкими порывами ветра, заваливали камнепадами или засыпали лавинами. Были и такие духи, которые выполняли поставленные им свыше задачи, не пускали в запретные места. Такие обычно давали предупреждения о смертельной опасности. Впрочем, это мало кого останавливало. Так, на одной горе были уничтожены практически все экспедиции вермахта. Последней экспедиции повезло, их взяли в плен англичане.

Я пытался научиться у местных жителей жить в гармонии с природой. Главным открытием для меня стало представление, что мы живем в большой «общаге», с огромным количеством «сожителей». Даже в таком безлюдном месте, как здесь. В «общаге», наверняка, есть комендант и правила, которые соблюдаются всеми без исключения.

Перезимовав, таким образом, я дождался весеннего праздника.

В селении неподалеку начался карнавал. Люди в масках чудовищ построились в очередь и танцевали ритуальный танец. Кругом все дудели в дудки и били в барабаны. На мероприятии присутствовал шаман из соседнего поселения. Этот день считался официальным открытием весны. На голой земле начали появляться редкие цветы. Становилось тепло. После праздника я стал собираться дальше, в Сринагар. Я простился с семьей, которая меня приютила, и двинулся в сторону Индии.

Индия. Я всегда представлял ее, как нечто запредельное и фантастическое. При мысли об Индии, сразу возникал образ Тадж Махала, многочисленных храмов, Инда с Гангом, нищих Калькутты, или фильмы Болливуда, наконец.

Но нет. Ничего романтического не произошло. Несколько километров пути, и я уже в Индии. Те же горы, тот же пик К-2 на горизонте, те же люди. На удивление, переход прошел гладко, без нежелательных встреч.

Но одна встреча у меня была, которая предопределила мою дальнейшую судьбу. По пути я наткнулся на палаточный лагерь чешской экспедиции. По какой-то причине они не взяли сопровождающего. Место для лагеря было выбрано не правильно. Неожиданный порыв ветра сорвал и унес палатку. Люди были заняты спасением остальных палаток и вещей. Вокруг них собрались местные жители, которые с удовольствием оттащивали брошенные без присмотра рюкзаки. Следуя внутреннему импульсу, я бросился помогать горе-альпинистам, одновременно крикнув местным, чтобы они убирались. Те, нехотя, растворились в темноте. Постепенно нам удалось взять ситуацию под контроль. Как-то незаметно, я уже давал указания, чтобы лагерь переместили в другое место, которое я заприметил по дороге.

Разбив новый лагерь, мы собрались у костерка из собранного хвороста. Предложение о включении в команду поступило, как само собой разумеющееся. Они держали курс на вершины Нун и Кун. Обе вершины семитысячные. За время пребывания в Пакистане я старался избегать подъема на вершины, но сейчас, имея все необходимое оборудование и разрешение индийских военных на восхождение, я решился возглавить группу. Кроме того, мне были предложены неплохие деньги, а у меня их не осталось совсем на тот момент.

И наш совместный дебют удался. Чехи оказались послушными и дисциплинированными. Они выполняли все указания. Их не смущало мое серьезное отношение к духам. Они не шумели там, где я не разрешал, соглашались на значительные обходы, чтобы не идти по закрытым местам. Собирали хворост по дороге. В день мы проходили не более пятнадцати километров, двигались мы в обход ледников. Так мы добрались до места восхождения. Надо было подняться на отметку выше шести тысяч метров. Подъем был достаточно трудным. Угол составлял больше сорока пяти градусов, склон был покрыт снегом. В стороне торчали из снега перила, но мы рассчитывали только на свою страховку. На этой отметке мы разбили лагерь. Теперь расстояния измерялись не километрами, а метрами. До следующей точки надо было подняться всего двести метров, но за ночь выпало много снега. Подниматься становилось все труднее. Через пару дней мы вышли на хребет двух гор. Угол подъема стал уже градусов семьдесят. Снегопад усилился, и в скором времени мы передвигались по пояс в снегу. Но, не смотря на трудности, группа целенаправленно двигалась к цели. И, через несколько часов борьбы с самими собой, мы добрались на вершину Кун. Высота ее чуть больше семи тысяч. Нам открылся прекрасный вид на другую вершину – Нун. До нее было около пяти километров заснеженного плато. Но, учитывая обильный снегопад, группа решила туда не добираться. Вершина представляла собой ледовый купол. Пока чехи просматривали оставленные здесь флаги, закрывали в лед свои, фотографировались и отслеживали высоту по спутниковой навигации, я обдумывал маршрут спуска. Там, где мы поднимались, была вероятность спуска лавины. Да и погода ухудшалась. Пришлось спускаться западнее. Это заняло больше времени, ровно на один ночлег больше. Но к базовой точке на шести тысячах мы вышли вовремя, вершину накрыл ураган.

Когда мы спустились до высоты пяти тысяч, за нами приехали машины, которые отвезли нас в Сринагар. Так неожиданно, я, наконец, добрался до конечной цели своей экспедиции. Здесь я и обосновался, сняв достаточно просторные для этих мест апартаменты, в здании, оставшемся еще со времен английского владычества. Воодушевленный успехом, я стал предлагать свои услуги иностранным группам. Попутно, обучал новичков основам альпинизма и скалолазания. Кроме того, я проводил собственные исследования,

из-за которых, я и приехал сюда. Мой альбом был полон зарисовок и записей. Я не пользовался фотоаппаратом: однажды, горные духи недвусмысленно запретили мне это. Неведомой силой фотоаппарат был выброшен в расщелину по невероятной траектории.

В такой работе и пронеслись два года. Мне удалось заработать авторитет за это время в среде альпинистов. В моих группах не было ни одного несчастного случая. Несколько раз я даже принимал участие в поиске и спасении групп, вместе с местными военными. Но в деле моего исследования я нашел только отпечаток босой ноги на скале. Но как «приклеить» это к своей теории, никак не смог придумать.

Хотя, были встречи с монахами. В некоторых монастырях монахи просто записывали посетителей в специальную книгу, ведя за чем-то учет. В некоторых, делились знаниями, почерпнутыми из преданий. Такими, например, как сказание о великой Уйгурской империи, центр которой располагался в пустыне Гоби, и которая существовала до Великого Потопа около четырнадцати веков назад. Или, например, о том, что следы этой цивилизации находятся не только в Гималаях, но и в Эквадоре, у Байкала и в других местах. Про таинственную пещеру также приходилось слышать. И о том, что ее охраняют стражи высокого роста в огненных одеяниях. Но, кроме мифов, ничего существенного я найти не мог.

Однажды, в туристическом центре Сринагара ко мне подошел по-европейски одетый человек и предложил круглую сумму за сопровождение в закрытые районы Занскара. После пограничных конфликтов с Китаем, этот район был закрыт для посещения иностранцами. Иногда, некоторые туристы обходили посты военных. Но и сесть в тюрьму шанс был тоже велик. Странно, но я не смог определить его национальность. Черты лица были европейскими, но из какой страны — определить было трудно. Глаза светлые, но пустые, нос был сломан. Тем более странно, так как он сказал, что у него научная экспедиция, он исследует миграцию монов в этом регионе. Но с такими пустыми глазами исследователей не бывает. Я бросил взгляд на его руки. Это боец. Костяшки пальцев были увеличены, как результат отжиманий на кулаках. Да и передвигался он легко, словно в некоем танце. Но я согласился. Миграция, так миграция. Боец, так боец. Мы договорились встретиться у них в отеле, чтобы познакомиться с остальной группой и просмотреть необходимые вещи для похода. Рядом со стола неожиданно соскользнул стакан с водой. Человек, не отвлекаясь от беседы, подхватил его и поставил на место. Боец. Представился он Крисом. Наверняка, это было не настоящее имя.

Занскар — это буддистская страна в стране. Расположена она в труднодоступном районе. Место малолюдное, небольшие поселения расположены вдоль реки с таким же названием. Попасть туда считалось возможным обычно до октября, когда открыта дорога. Так как уже наступила зима, то единственным способом был пеший переход. Но, с другой стороны, когда река замерзала, это была единственная возможность обойти посты военных прямо по реке. Еще одним плюсом была довольно низкая высота местности. В среднем около трех — четырех километров. Мне самому там побывать не пришлось до этого, поэтому было достаточно интересно пройти этот маршрут.

Через несколько дней нас довезли на джипах до Каргила. Оттуда пришлось продолжить путь пешком. Но группа была в отличной форме, хорошо подготовлена. Судя по всему, все военные. Экипировка также была на высоте. За первые три дня нам удалось пройти почти шестьдесят километров. Затем, мы свернули немного севернее, и тут начались первые трудности. Первая, не смотря на отличную физподготовку, у некоторых людей стала проявляться горная болезнь. И это на трех с половиной тысячах! У одного неожиданно начался приступ эпилепсии. Идти дальше было нельзя. Акклиматизации они не прошли совсем. Пришлось разбить лагерь в одной из многочисленных пещер. Крис нервничал и что-то долго обсуждал со своими людьми в стороне. На третий день у нас неожиданно пропал человек. Его палатка оказалась пуста. Никаких следов не осталось вокруг палатки. Я с Крисом и еще парой человек пробежался по окрестностям. Ничего! По правилам мне надо было вызвать по связи спасателей. Но командир неожиданно направил на меня пистолет и заверил, что так делать не надо. С этого момента, я стал заложником. Особо меня это не расстроило, я подозревал, что этим закончится. Поиски мы прекратили, и по возвращении стали собираться дальше. Я ломал голову, что интересного может быть в этом районе для таких путешественников, как они? Здесь интереснейшие места, но ничего сакрального, никаких кладов, да и как военный объект, тоже ничего. Но мои попутчики явно что-то

искали. Мы выдвинулись в обед, погода была хорошей, несмотря на мороз. Лица людей были напряжены. С меня не сводили глаз. При прохождении перевала на долину Лунгнак, мне неожиданно был предъявлен знак духов о запрете для прохождения этой территории. Надо сказать, что у меня давно уже был выработан свой язык для общения с духами. Но, сейчас, никто и думать не собирался идти в обход. И наказания не заставили себя ждать. Повалил сильный снег, ветер усилился. Видимость стала нулевая. Идти дальше было нельзя, пришлось забиться в ближайшую пещеру. Но она оказалась занята медведем. Группа открыла огонь, но зверя только ранили, и пришлось бежать обратно наружу. Половина вещей была потеряна, также пропали еще два человека. К моменту, когда мы нашли другую пещеру, сил практически ни у кого не оставалось. Принято было решение остаться пару дней в пещере для отдыха. Ночью нам всем снились кошмары. Все поочередно просыпались. Наверняка, моим попутчикам было сложнее, они поочередно дежурили. Следили за мной. Наутро я проснулся от беспорядочной стрельбы. Погода наладилась, и все активно стреляли по ирбису, который бодро дефилировал в двухстах метрах выше нас. Когда стала ясна бесполезность этого занятия, все приступили к ревизии оставшихся вещей. Самое обидное, пропали рюкзаки с провизией. Еды оставалось совсем мало. Еще через три дня пути нам встретился индийский патруль. Мои солдаты не придумали ничего лучшего, как вступить в перестрелку с опытными горными стрелками. Пришло самое время предоставить всех самим себе и уходить. Кого-то подстрелили, кто-то сбежал, кого-то наверняка схватили. Я не знал. Мне удалось скрыться по верхнему ярусу скалы незамеченным. Чтобы оторваться от возможной погони, я двигался без остановки около суток. Усталость валила с ног, но к ночи я, наконец, добрался до небольшого селения, где и остановился на ночлег. Несмотря на то, что в зимний период у местных жителей каждый кусок еды на счету, меня сносно накормили, я немедленно погрузился в долгожданный сон.

После этого случая, вернувшись к себе, я прекратил сопровождение групп. Ограничился только обучением новичков. Сам я ходил в собственные экспедиции и, как обычно, ничего не находил. Меня никто не разыскивал, жизнь вернулась в спокойное русло. Так прошел еще один сезон.

Прошло два года. Была очень снежная и холодная зима. Мне пришлось участвовать в нескольких спасательных операциях. Круг моих знакомых значительно расширился. Особенно среди военных. Весной я наведался к знакомым в Пакистан. На обратном пути я сделал круг, чтобы обойти лавиноопасный участок, и наткнулся на очень интересное поселение. Первое, что бросилось в глаза, это то, что мужчины в поселке были рыжеволосыми и светлоглазыми. Женщин не было видно вообще. Но когда я надумал остановиться на ночь, то обнаружила еще одна особенность: женщины здесь были, но их было очень мало. Видимо поэтому в селении царил абсолютный матриархат. Причем, у каждой женщины было по несколько мужей. Женщины были красивыми. С длинными волосами, повязанными косынкой особым способом, со слегка поднятыми скулами и чуть раскосыми глазами. Цвет глаз был серо-зеленый, светлый. Фигуры были стройными, с прямой осанкой. Грациозная, слегка замедленная походка. Трудно было отвести от них взгляд. Язык не был похож ни на один из выученных мною в этих местах. Пришлось объясняться жестами. Одна из таких укрупненных семей, где было четыре мужа, пригласила меня на ужин.

Мужчины накрывали на стол, а хозяйка показывала мне ковры, которыми были устланы не только пол и стены, но и потолок. Я не специалист, но ковры показались мне изумительными по красоте. Я нигде раньше не встречал ковроделия в этих местах. Когда еда была на столе, меня усадили в окружении мужей. Женщина села напротив, буравя меня своим взглядом. Затем, красивым певучим голосом с низким тембром начала что-то говорить. Мужчина слева от меня пытался переводить мне ее слова на санскрите. С горем пополам я понял, о чем речь, это была какая-то молитва или стихотворение:

Замкнула тела своего я девять окон и дверей.

К моей душе подкрался вор, — позвать на помощь ли скорей?

В темнице сердца я его связала и, воскликнув: «Om!»,

Спустила шкуру я с него святым закланием, как бичом.

После ужина меня совсем разморило. От ее голоса я находился словно под гипнозом. Заметив мое состояние, она замолчала и организовала мне место для ночлега в углу комнаты, на чьих-то шкурах.

Глубокой ночью я проснулся от ощущения, что кто-то лижет мои

веки. Открыв глаза, я убедился, что это происходит на самом деле. Рядом лежала хозяйка дома и водила языком по моим округлившимся зрачкам. Я было дернулся, но она схватила меня рукой внизу и продолжила это занятие. Ощувив мое возбуждение, женщина издала одобрительный возглас, залезла на меня сверху и начала медленно двигаться. Я хотел поймать губами ее губы, но она заткнула мой рот рукой. Ее волосы упали на мое лицо и при движении головой приятно щекотали меня. Они пахли свежим хлебом. Неспешно двигаясь, она дождалась моего оргазма, после немедленно встала и ушла.

Утром меня растолкал один из ее мужей и жестом указал на выход. На улице стояли, выстроившись в ряд, еще трое. Хозяйки не было видно. Молча кивнув на прощание, я направился к горной гряде. Сверху бросил последний взгляд на долину, с грустью вспомнил Всеволода и пошел прочь.

Вернувшись к себе в Сринагар, я обнаружил, что моя квартира взломана. Беспорядка внутри не было. На столе лежала карта с воткнутым ножом в районе Занскара. Видимо вернулись события двухлетней давности.

В туристическом центре сказали, что меня разыскивала какая-то женщина, руководительница группы. Что же, решил я, если за мной началась охота, то пусть она будет происходить на моей территории. Я сообщил в центре, что направляюсь севернее Каргила, затем собрал вещи и выдвинулся, наняв джип из центра.

На следующий день в нужное место прибыла группа в количестве пятнадцать человек. Значит, мои планы были переданы полностью. Состав группы был такой же, как и предыдущий: военные и бандиты. Одного я даже узнал.

До отметки в четыре тысячи их вел, не выдавая свое осведомленности об их передвижении. Я оставлял за собой метки в виде потухших костров, костылей, мусора. На высоте около шестисот метров над их лагерем я развел дымный костерок и дал себя обнаружить. Женщина в группе что-то приказала, указывая на меня пальцем, и двое мужчин немедленно открыли по мне огонь из карабинов с глушителями. Похоже, я поторопился, выдав себя: пули ложились совсем рядом от меня.

Группа рассредоточилась и начала восхождение. Я старался соблюдать дистанцию, передвигаясь все то время, когда двигалась их группа. На ночлег мы тоже остановились одновременно. Мои преследователи изрядно вымотались, но я явно недооценил их физическую подготовку.

Так мы добрались до пяти тысячной отметки. Несколько человек не смогли продолжить путь. Судя по всему, из-за горной болезни. Остальные начали восхождение. Утром погода внесла коррективы. Начался сильный ураган. Дистанция между нами сильно сократилась. В меня постоянно стреляли. Правда, еще двоих сдуло ветром со скалы. Преследователей осталось восемь вместе с женщиной. Одна пуля задела мне ногу по касательной. Сразу за поворотом я пошел на отчаянный шаг, полез на почти вертикальную стену без страховки. Пальцы замерзли, рюкзак тянул вниз. Пару раз я чуть не свалился, но поднявшись, мне удалось значительно оторваться. Наверху я пересмотрел свои планы относительно преследовавшей меня группы. Мне опять захотелось скрыться от их внимания. Но на этой высоте уже лежал снег, и мои кровавые следы были видны издалека. Поэтому я принял решение двигаться к Пакистанской зоне, где высоты были ниже, и снега не было.

Погоня длилась уже несколько дней. Я гонял команду по высотам Каракорума. Они, то отставали, то неожиданно появлялись у меня практически за спиной. Горы вносили свои коррективы, и их становилось все меньше и меньше. Мне удалось разглядеть лицо женщины. Она смотрела на меня с ненавистью, и гналась за мной так, словно эта ненависть давала ей дополнительные силы. Что интересно, она иногда сама стреляла в меня из арбалета. Чем был вызван такой выбор, для меня было тайной. Как и сама охота и ненависть ко мне. Но выбора у меня не было, я убегал. Убивать и охотиться самому, у меня не было никакого желания.

Стена. Я поднялся вверх почти на километр. Любой обходной путь позволял мне выиграть почти сутки от преследователей. Здесь, наверху, прокрутив в голове всю историю своего путешествия, мне, вдруг, очень захотелось вернуться назад, в уютную квартиру в Риге. Проведя несколько лет здесь, в горах, я понял, что найти истину за тридевять земель практически невозможно. Здесь живут люди с похожими проблемами, как и везде. Их мифы и легенды пересекаются с нашими мифами... Рядом со мной упала стрела от арбалета. Это невозможно! В трехстах метрах ниже меня стояли уцелевшие преследователи! Им удалось повторить мой маршрут по отвесной скале! Меня от них отделяла лишь последняя ступень стены.

Я развернулся и рванул по прямому участку в сторону горного массива, где находилось много пещер, где я мог бы укрыться. Я уже пожалел, что не носил с собой оружия. Не отдавая себе отчет, где нахожусь, я обнаружил, что заблудился. Мой навигатор уже давно сел без подзарядки, а места оказались совсем незнакомыми. Вылезая из одного горного кармана, я попадал в другой. Я даже не представлял, где находится следовавшая за мной группа. Наступила ночь. Но уснуть я не мог себе позволить. Чтобы не уснуть, я все время двигался. Утром я очутился в еще более сказочном месте. Скалы вокруг имели причудливые очертания. Были переплетены, словно каменные кружева. Я находился в окружении скал, словно в каменном мешке. Место напоминало огромный кратер. С одной стороны зияла огромная дыра пещеры. С другой, замаячил силуэт женщины с арбалетом в руках. Кроме как бежать в пещеру, другого пути не было. Странное дело, никаких эмоций я не испытывал. Не было ни страха, ни ненависти.

Все произошло внезапно. При приближении к пещере меня словно пронзил электрический ток. Я даже подумал, что кто-то из группы все-таки достал меня своим выстрелом. Но нет, я неожиданно очутился в каком-то другом мире. Пещера была гигантской. Вокруг меня шли какие-то полупрозрачные люди высокого роста. Они были все одинаковые и черного оттенка. Меня они не замечали, а двигались куда-то вглубь пещеры. Мое сознание визуальное стало уменьшаться, превратилось в точку и тоже направилось вслед за ними. Я отчаянно пытался удержать его в себе. Разум то отлетал метров на десять вперед, то возвращался обратно, кружа на высоте полуметра надо мной. Неожиданно краски вокруг поменили свой цвет. Все стало фиолетово синим. В пещеру пробралась женщина. Одна. Она не сводила с меня своего ненавидящего взгляда. Пространство вокруг нее светилось красноватыми оттенками, временами даже искрилось. А сама она стала белой, причем тело ее приняло какие-то угловатые формы. Я отвлекся на мгновение, чтобы вернуть свое улетающее сознание. Увидев ее вновь, я обнаружил, что она уже стоит на четвереньках и медленно кружит вокруг меня, как акула перед нападением. Неожиданно появилась мысль, что это мое искаженное восприятие так ее представляет под воздействием каких-то полей. Наверняка, ее сознание тоже рисовало какие-то необычные представления относительно меня. С каждым ее приближением, тело женщины начинало светиться все сильнее. Неожиданно, я увидел шарик ее сознания, мой шар соприкоснулся с ее, и мне стала понятна причина ее ненависти. Это была жена погибшего руководителя той группы, которую я вел на Занскар. Она считала, с подачи выживших членов группы, что я был виновен в его смерти. С целью мести она и приехала сюда. Мое сознание пыталось остановить и предостеречь ее. Здесь нельзя выражать никаких эмоций! Но она уже видела мою смерть. В этот момент ее тело почернело, словно перегорело, и поплыло вглубь, вместе с остальными теньями. Ее шар сознания потух. Мое же сознание стремительно направилось к выходу. Все вокруг исчезло. Я погрузился в темноту.

Мгновенье пришло – я поток увидала бегущий,

Мгновенье прошло – нет уже ни воды, ни мостков.

Мгновенье пришло – и я куст увидала цветущий,

Мгновенье прошло – нет уже ни шипов, ни цветков.

Мгновенье пришло – вижу: пламя горит и дымится,

Мгновенье прошло – нет ни дыма уже, ни огня.

Мгновенье пришло – и пандавов я мать, я царица!

Мгновенье прошло – и горшечник простой мне родня.

Я понимал, что говорила женщина, которая сидела на корточках рядом со мной. Я лежал на коврах, укрытый шкурами. Тело болело так, словно тысячи иголок вонзились в меня. Но я не обращал внимания. Я слушал певучий слог женщины с рыжими волосами. Ее пение убавляло меня, и я погрузился в сон.

Когда я открыл глаза, рядом стоял рыжеволосый мужчина и жестом указывал мне на дверь. На улице стояли трое остальных, выстроившиеся в ряд. Я молча кивнул им на прощание и направился в сторону гор. Поднявшись на скалу, оглянулся. Это время сделало виток и вернулось обратно? Или, напротив, меня выбросило в какую-то новую реальность? Я с грустью вспомнил Всеволода. Бросив еще раз взгляд на долину, я заметил женщину в косынке с ребенком на руках около дома. Она что-то шептала, а я слышал каждое слово ее певучего шепота:

Иные бодрствуют, хотя вкушают сна отдохновенье,

Иные крепко спят, хотя являют бдения черты.

Иных нечистыми зову, хотя свершают омовенье,

Иных несуетность я чту, хотя живут средь суеты.

Маргарита Морозова

ДОРОЖНОЕ - НЕВОЗМОЖНОЕ ИЛИ КАК В МЕНЯ СТРЕЛЯЛИ

Необходимое предисловие.

Так получилось, что села я за руль не из-за хорошей жизни – работу пришлось поменять. За полтора десятка лет проехала немало. Неплохо узнала Подмоскovie и Москву. В день проезжала больше 300 км. От Наро-Фоминска до Электростали, от Твери до Обнинска, от Красногорска до Черноголовки, от Химок до Воскресенска – вот освоенная мной территория, включая населённые пункты внутри неё.

За это время «освоила» не только главные дороги и скоростные шоссе, но и самые разные «тракты» и направления, иногда даже не отмеченные на карте.

По всему Подмоскovie столько дорог! Есть объездные и просёлочные, бетонки и грунтовки, военные и гражданские, неосвоенные и брошенные. Множество «перешейков», «заячьих троп», полузабытых, разрушенных и законсервированных дорог. Есть частные и ведомственные, платные и бесплатные. Есть в безобразном состоянии, а есть новенькие, сверкающие, как стекло. Есть тупиковые развязки и дороги в «никуда», есть «дороги смерти» и гоночные трассы... Вот если бы их всех привести в более-менее нормальное состояние, соединить кое-где проездами и перекрёстками! Не нужны были бы грандиозные стройки колоссальных развязок, со сносом пары-тройки деревень и посёлков, с прокладыванием разноразмерных трасс, всё равно упирающихся в какой-нибудь тупиковый съезд или «бутылочное горлышко». Москва, как голодное чудовище, готово слизать с жирного пирога Подмоскovie все сливки в угоду ненасытной утробе, да заглотить в свою пасть лучшие земли областных территорий... Жалко мне Подмоскovie! Захваченное монстром урбанизации, растерзанное, поруганное, лишённое тишины, красоты и прелести.... И своих исконных средств к существованию... Сердце кровью обливается, когда гляжу на осквернённую красоту... Не моё это дело, конечно, лезть в градостроительные планы правителей и чиновников, но смотреть спокойно на строительное варварство не могу!

Но вернусь назад, в далёкое уже начало нашего века.

Вот, собственно, моя история.

Между двумя шоссе, ведущими к Москве, ближе к МКАД, была грунтовая «тропа» – узкий связующий перешеек – дорогой её назвать язык не повернулся бы. Всего-то пять километров. Из них два километра – совсем уже не дорога. В грязь, через поле, положены бетонные плиты, как раз на ширину одной машины. Не дай Бог съехать с плит! По всей протяжённости «дороги» – и слева и справа – резкий обрыв выше дорожного просвета, попадёшь колесом – никто не вытянет. Кое-где справа или слева плит – небольшие островки утрамбованного грунта, чтобы можно было разехаться двум встречным автомобилям. Раньше грунтовкой пользовались работники метеостанции, а по бетонным плитам ездила редкая военная техника закрытого аэропорта. Зимой, через мёрзлое поле, укатывали снежную трассу, но с весны для проезда оставалась только эта «бетонка».

Конечно, нормальные люди едут по нормальным шоссе в объезд, а такие, как я, находят себе оправдание, чтобы проехать именно по этой «пересечённой местности». Ведь всего-то – пять километров, пусть два из них – совсем не дорога...

Любителей рискнуть находилось немного, но все старались соблюдать неписанное правило – сначала выпустить выезжающих с «тропы», потом «соваться» на этот «перешеек» самому.

...Заняла я на своей «не убиваемой шестёрке» очередь. Впе-

реди меня – чёрная, немало повидавшая «Волга», перед ней – тяжёлый внедорожник. Выпустили последние встречные автомобили и потихоньку тронулись в путь. Всего-то два километра впереди...

Вдруг, когда родной «берег» грунтовки скрылся из зеркала заднего вида, впереди показался... опоздавший старенький «Ауди»... Торопится, сигналит, чтобы ему дали дорогу... Отстал от своей колонны «с того берега»...

Джип – на то он и внедорожник – отважно «шагнул» вправо с плит в грязь, зацепившись левыми колёсами за плиты, тяжело объехал помеху. «Волга» проехала за джипом чуть вперёд и вплыла на островок слева, давая проезд недотёпе. Кое-как разминулись. «Волга», вздохнув с облегчением, освободила островок и поплыла дальше. Осталась я. Только я хотела вслед за «Волгой» занять «островок безопасности» слева от себя, как «Ауди» проехал вперёд, перегородив мне путь, и решительно встал передо мной. Я тоже стою. Ездить задом я умею, но ползти полкилометра по скользким плитам, рискуя съехать с них, до «родного берега», мне не хотелось.

Показываю водителю, нагловатому молодому парню: «Отъезжай назад, и дай мне встать слева на безопасное место!». Ему – несколько метров назад. Всего-то. Он – ни в какую. Тогда я показываю: «Отъезжай назад и вставай сам на островок, я проеду справа!». Нет. Ни с места. Понимаю, что ситуация для меня – патовая. Джип с «Волгой» давно уехали. Я вижу только их «спины», вынырывающие, как большие рыбины, из волн бетонной колеи далеко впереди. Моя судьба их не интересует. Назад сдавать – себе дорожке... И тут – была не была! – я решила стать стервой. То есть Стервой! С-т-е-р-в-о-й! Тогда я была ещё «не крашеной», и включать «блондинку» не умела.

Достаю сигарету, спокойно (насколько это можно трясуясь от страха руками) закуриваю. Тоненький «Вог» не столько успокаивает, сколько придаёт мне наглости. Сиж, курю. Парень в «Ауди» – как в танке. Ну, сколько длится пара затяжек? Мысли мои лихорадочно выпрыгивают из мозга, и опять ныряют в его мякоть в надежде найти выход, а в желудок токсичной кислой струйкой льётся страх... Но внешне я абсолютно, развязно спокойна! Ещё затяжка... Парень выходит из машины, подходит к моей почти вплотную, поднимает руку... В ней я вижу пистолет...

Он прицеливается в меня – ...

...Сиж, курю...

– он поднимает руку и стреляет в воздух!

... Мне самой стало интересно – что же дальше? Даже страх замер в животе от любопытства... Парень кричит: «Сейчас прострелю твой радиатор, х...р ты куда дальше поедешь!»

...Красиво – как мне тогда казалось – и ме-е-е-дленно затягиваюсь... в последний раз... Поднимаю глаза к зеркалу: надо ли подкрасить губы? ...И!.. О, счастье! О, радость! О, солнца свет! Ты ж мой красавец!

...В зеркало заднего вида вижу, как с «моего берега» на меня движется... КАМАЗ! Умом понимаю, что... если... меня... сейчас... на виду водителя... грузовика... прострелят! – (или пристрелят) – то!..

То на дороге останемся и я, и «Ауди»...

С КАМАЗом шутки плохи... Ему работать надо... Вон он, как торопится... Прессует ямы на полной скорости, и все неровности ему нипочём... Ему наши разборки – досадная помеха...

Видимо, это же понял и водитель «Ауди»... Сел в машину,

завёлся и попытался – вот же идиот! – объехать меня с «правого борта», даже не подумав про спасительный островок... Притёрся ко мне вплотную, жалобно пискнув клаксоном напоследок: «Ну, сдай же чуть вперёд!»

...По режущему краю плит, едва не срываясь с них, я доползла и зацепилась левыми колёсами за «островок спасения». Наконец, объехала наглеца, и, всхлипнув от радости, выехала на свободу!

Как уж КАМАЗ с ним разбирался – я не видела... Держала руль в узком фарватере бетонной колеи, моля Бога только об одном – чтобы не встретить ещё одну встречную машину...

Только выбравшись на твёрдый асфальт и отъехав по нему на безопасное расстояние от «перешейка», я остановилась... Припарковалась на обочине и позвонила с мобильного своему приятелю. Захлёбываясь от эмоций, давясь и смехом, и обидой, ещё не сознавая, в какую дурацкую ситуацию попала и как удачно из неё выбралась, рассказала ему эту историю... «Дураков на дороге много», – пожалел меня он, – «счастливо отделалась... Успокойся, всё хорошо, ты молодец!»

А вечером, в весёлой компании друзей, за лечебной рюмкой водки, я со смехом рассказала эту историю, во всех подробностях, ещё раз. Друзья мне советовали тоже купить «пугач», положить его в бардачок для таких вот «...удил», поменять работу, не

ездить по значным местам, да много ещё что!

Но мой, тогда ещё муж, выслушав её, сказал: «Сама дура!» Для него было важно лишь одно: кто у кого был «помехой справа» и какими бортами мы разъехались... Он, отучившийся вождению, но знающий лишь его теорию, так и не севший за руль, и не научившийся водить, не смог понять, как это мы оба стали друг для друга «помехой справа».

Он даже не мог представить, что в десяти километрах от Москвы есть такие дороги, на которых свои правила. Это правила взаимопомощи и выручки, вежливости и терпения... А уж кто из нас двоих в той истории был дурак – так не ему судить.

...Сейчас эта территория стала Москвой... Дорогу из бетонных плит стали отсыпать, немного расширили, а на въезде и выезде из неё поставили «ворота» из бетонных блоков, по ширине и высоте рассчитанные только на легковушку... Спасительный КАМАЗ в них не протиснется... Проехать по дороге можно спокойно, но... и уже не так захватывающе...

... Долго я не отваживалась ездить по тому «перешейку». Но «всего-то пять километров, из которых только два – вообще не дорога» – это ли не лучшее оправдание тому, что я опять там оказалась?

Но это – уже другая история!

Když jsem přečetl knihu Pán prstenů od Tolkiena, bylo mi líto že už jsem na konci a všechna ta dobrodružství už skončila.

Co teď budu dělat, říkal jsem si.

Pak mě napadlo, že se na nějakou cestu můžu taky vydat. Asi nebude tak dobrodružná, jako v knize ale aspoň něco.

Vydal jsem se pěšky do Lokte, přes Svatošské skály. Byla to celkem fuška, nevím, jak to ten hobit mohl vydržet. Šel jsem už asi hodinu, bylo horko a já s sebou neměl moc pití a jídla. Nikoho jsem už nějakou dobu nepotkal, když vtom

se v zatáčce objevila postava staříka s dlouhými vlasy. Gandalf napadlo mě. Gandalf se přibližoval a já čekal, co přijde.

„Dostanu se tudy do Prahy? A nemáš nějaký drobný?“

Žádný Gandalf, bude to jen bezdomovec, myslel jsem si a pospíchal pryč.

Pak jsem potkal dvě kachny, několik mravenišť a něco zašustilo v křoví. Na chvíli jsem si myslel že to prozkoumám ale radši jsem pokračoval v cestě. Šel jsem dál a už mě začínaly bolet nohy, když proti mně vyšel kůň. To by tady nebylo nic divného, koně jsem viděl pást se cestou, ale tenhle vypadal fakt divně a divně se i choval. Měl červený ocas, stříbrný roh a ze zadku mu vylétaly hvězdičky. Ale nebyl to jednohvězdičkorožec. Byli to převlečení pubertáci.

Zbytek cesty mě už nic zvláštního nepotkalo. Došel jsem do Lokte a řekl jsem si, že zpátky už pojed taxíkem.

Неда Гиал

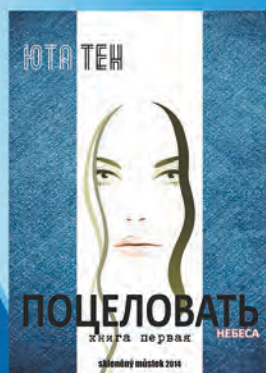
«Легенды Сирхаалан. Книга I: Ветры Севера»

Более чем двести лет прошло с тех пор, как легендарная правительница Чёрного Королевства Драгомира исчезла вместе со своим эльфийским возлюбленным в магических туманах. Под натиском потока искажённой магии - порождения безумной королевы Цветаны, пронёсшегося над Сирхааланом, пал магический барьер, более двухсот лет защищавший сердце Эльфийского Королевства – Заколдованную Долину Драйахглени. В это время потрясений и смут на руинах Белого Королевства выпало жить и сражаться за жизнь и престол наследнице древнего рода - принцессе Мечиславе, хранящей в своей крови не только память многих поколений белых королей, но и нечто большее - то, что, возможно, однажды восстановит магическое равновесие вселенной Сирхаалан.

ISBN 978-80-7534-127-3, 978-80-7534-128-0.

ИЗДАТЕЛЬСТВО SKLENĚNÝ MŮSTEK

Ваша книга -
здесь и сейчас!

HOROVA 12, KANCELÁŘ Č. 220
360 01 KARLOVY VARY, ČR
KONTAKT@SKLENENYMUSTEK.CZ
+420 774 799 444
+420 353 223 292

ČESKÁ HVĚZDA
- četnost vydávání - měsíčník
- místo vydávání - Karlovy Vary
- evidenční číslo z MKČR: E 20834
Vydává Skleněný můstek s.r.o.
Vítězná 37/58, Karlovy Vary
PSČ 360 09 IČO: 29123062
DIČ: CZ29123062

Все права авторов охраняются законом об авторском праве. Копирование, публикация и другое использование произведений и их частей без согласия автора преследуется по закону.

